

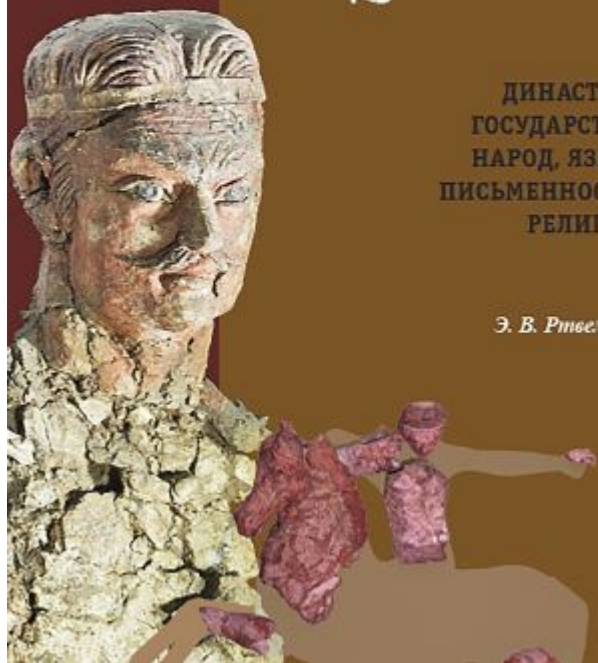

Историческая библиотека

КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО

**ДИНАСТИИ,
ГОСУДАРСТВО,
НАРОД, ЯЗЫК,
ПИСЬМЕННОСТЬ,
РЕЛИГИИ**

Э. В. Ртвеладзе

АКАДЕМИК Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

**КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО:
ДИНАСТИИ, ГОСУДАРСТВО, НАРОД,
ЯЗЫК, ПИСЬМЕННОСТЬ, РЕЛИГИИ**

Историческая библиотека. – Ташкент, 2019.

ЧАСТЬ I

ГОСУДАРСТВО БОЛЬШИХ ЮЕЧЖЕЙ В БАКТРИИ

Глава I.

ПАДЕНИЕ ГРЕКО-БАКТРИЙСКОГО ЦАРСТВА

По-видимому, уже в третьей четверти II в. до н. э. пал один из последних оплотов греко-македонского владычества на Востоке – Греко-Бактрийское царство, основанное наместником Селевкидов Диодотом I в середине III в. до н. э. Его крах был обусловлен междоусобными войнами между различными претендентами на престол. До сих пор не установлено, кто был последний из великих греко-бактрийских царей – Платон или Гелиокл. Судя по топографии монетных находок, Греко-Бактрийское царство в это время разделилось на две части: Платон управлял, вероятно, каким-то районом Южной Бактрии (в Северной Бактрии не найдено ни одной его монеты), а Гелиокл – долиной Окса и северной частью Бактрии (этим объясняется огромное количество находок подражаний тетрадрахам и драхам Гелиокла в Северной Бактрии и малое их количество в Южной Бактрии).

Однако основной удар Греко-Бактрийскому царству нанесли кочевые племена, нашествие которых кратко отражено в давно и хорошо известных греко-римских и древнекитайских письменных источниках.

Так, к примеру, в прологе к книге XLI римский историк Помпей Трог (I в. до н. э.) сообщает: «...Бактрию и Согдиану захватили скифские племена сарауков и асианов». Греческий историк Страбон, писавший несколько позднее, но использовавший более ранние источники, упоминает в числе кочевых народов, завоевавших у

греков Бактрию, асиев, пасианов, тохаров и сакараулов (Strabo. IX, 8, 2). В китайских хрониках завоевателями Дася или Дахя (Бактрии) называются юечжи, которых ученые отождествляют с тохарами, упоминаемыми в греко-римской историографии.

Глава 2.

ЮЕЧЖИ = ТОХАРЫ

Отождествление юечжей китайских хроник с тохарами античных авторов, предложенное еще в конце XVIII–XIX в., до настоящего времени в исторической науке остается общепринятым. Основные разногласия в этом направлении сводятся к тому, каким образом

Изображение вождя хунну Модэ. Фрагмент росписи дворца в Халчяне.

*Изображение предка рода юечжей Кушана.
Фрагмент ткани. Ноин-Ула.*

*Изображение предка рода юечжей Кушана.
Фрагмент ткани. Ноин-Ула.*

Статуарные фрагменты юечжуйского всадника-лучника и его коня. Халчаян.

тохары – носители одного из индоевропейских языков оказались в Центральной Азии, в Восточном Туркестане: являлись ли они пришлым народом или аборигенными насельниками этой территории.

Автор замечательной статьи «Тохарская проблема» И. И. Умняков, наиболее полно отразивший проблематику вопроса, полагал, как и многие другие исследователи, что тохары древнегреческих источников – это юечжи древнекитайских летописей, вытесненные народом хунну с территории современной китайской провинции Ганьсу и переселившиеся в Бактрию поэтапно – примерно с 174 по 129 гг. до н. э.: сначала на берега Или, а затем из Тянь-Шаня в Бактрию. Он же считал, что в вопросе об историческом расселении тохаров можно выделить «два этнических комплекса: 1) тохары, упоминаемые античными писателями среди завоевателей греко-бактрийского царства во II в. до н. э., по имени которых часть

*Сцена битвы юечжей с асианами
(реконструкция Г. А. Пугаченковой). Халчаян.*

Бактрии еще в мусульманское время носила название “Тохаристан”, когда его этнографическое происхождение было уже давно забыто, и 2) народ или народы, обитавшие в Центральной Азии, языку которых в западноевропейской литературе было присвоено название “тохарский”. (Найденные в Восточном Туркестане рукописи на “тохарском” языке относятся к V–X вв. н. э.)».

Вопрос о коренной территории и путях миграций тохаров очень сложный и запутанный и по-прежнему требует решения. Однако он является лишь частью еще более сложной и широкой проблемы, дискутирующейся уже долгие годы, – локализации общей прародины индоевропейцев.

После открытия в начале XX в. в Восточном Туркестане рукописей, составленных на так называемом тохарском языке, в котором выделяют «тохарский А» и «тохарский Б» языки, расшифрованные в 1908 г. немецкими индологами Э. Зигом и В. Зиглингом и зачисленные ими в круг индоевропейских языков, существенно возросло число сторонников точки зрения Э. Мэйера, который, основываясь на результатах изучения тохарского языка, предполагал, что одна часть индоевропейцев из Центральной Азии «шла через арало-ка-

спийские степи на запад, а другая часть двигалась на юго-восток (Иран, Индия); часть же (из группы *septum*), остаток которых сохранился в тохарах, отстала на востоке».

Последующее открытие в бассейне Тарима в Восточном Туркестане погребений II тыс. до н. э. с хорошо сохранившимися мумиями, имевшими черты европеоидной расы, еще больше утвердило в науке мнение о том, что прародиной индоевропейцев – а следовательно, и тохар, был Восточный Туркестан.

Другие исследователи, напротив, считают, что тохарский язык, открытый в Восточном Туркестане, вовсе не служит аргументом в пользу азиатской прародины индоевропейцев, доказывая, что тохары двигались в Центральную Азию с Северного или Балтийского морей и через Тянь-шань вторглись в бассейн Тарима в Восточном Туркестане.

Проблема прародины индоевропейцев до сих пор остается нерешенной, несмотря на множество исследований, ей посвященных. В 1984 г., к примеру, вышел двухтомный труд В. Иванова и Т. Гамкрелидзе, в котором авторы высказывают мнение о том, что прародиной индоевропейцев была Малая Азия, откуда они двигались на восток.

Помимо указанных выше открытий, на территории расселения тохар – юечжей был исследован ряд выдающихся археологических памятников, дальнейшее изучение которых возможно прольет новый свет на триаду юечжи – тохары – кушаны¹. Наиболее важные среди них следующие.

1. Так называемая неизвестная письменность, впервые открытая в Дашт-и Навуре и опубликованная Ж. Фуссманом. Впоследствии образцы этой письменности были открыты в Ай-Ханум, Халчаяне и на Исык-Куле. Как сейчас установлено, «неизвестная

---

¹ В исторической науке существует несколько гипотез о происхождении и истоках цивилизации кушан.

письменность» являлась третьей государственной письменностью в Кушанском царстве (подробно см. ниже). Некоторые исследователи считают эту письменность сакской, я же полагаю, что она относится к юечжам – тохарам, к которым принадлежали и кушаны, перешедшие при царе Канишке на бактрийскую письменность на греческой основе.

2. Халчаян, где был открыт дворец-храм, в скульптурных композициях и живописи которого отражена история тохар – юечжей – кушан, начиная от нашествия хунну до завоевания Северной Бактрии при кушанском царе Виме Такто.

3. Надпись из Рабатака, в которой изложена династийная история кушанских царей от Куджулы Кадфиза до Канишки включительно. В ней же говорится, что при Канишке взамен греческого языка был введен арийский – в данном случае бактрийский – язык.

Исследования и правильная интерпретация этих памятников впереди, однако ниже я постараюсь ответить на некоторые вопросы, связанные с ними.

Глава 3.

ГОСУДАРСТВО БОЛЬШИХ ЮЕЧЖЕЙ И ЕГО ВЛАДЕНИЯ

Во второй четверти II в. до н. э. юечжи, теснимые хунну во главе с шаньюем Модэ (ум. в 174 г. до н.э.), постепенно перекочевывают на северо-восток и юг Средней Азии, ведя с переменным успехом войны с другими кочевыми племенами по маршруту своих переселений.

Переселившихся в Среднюю Азию юечжей китайские хроники называют да-юечжи – Великие или Большие юечжи, в отличие от хяо- или сяо-юечжи – Малых юечжей, которые, согласно сведениям китайского дипломата и разведчика Чжан-Цзяня, представляли «небольшую часть юечжыского народа», которая «не могла следовать за

*Юечжийский царь-пастух (праобраз
Чипан-ата). Терракота.
Кишлак Кушар
(Сурхандарьинская область)*

прочими и осталась в Южных горах (Наньшань. – Э. Р.)».

Вскоре, в период между 140–130 гг. до н. э. юечжи завоевали Бактрию. Уже в 128 или 126 г. до н. э. Чжан-Цзянь отмечает, что вся Дахя (Бактрия) покорена юечжами, утвердившими «свое местопребывание на северной стороне реки Гуйшуй (Амударьи. – Э. Р.)».

Не исключено, что местопребывание (т. е. главная ставка) юечжей в данное время находилось на месте Халчаяна. Географические условия этого городища схожи с условиями родного для юечжей Ганьсу: с севера его окружали снежные горы Гиссарского хребта, с востока – пусты-

ни, горы Бабатага и плодородные долины Сурхандарьи. Но главный аргумент в пользу этого предположения состоит в том, что именно здесь находится наиболее ранний династийный храм юечжийского времени, в скульптурных изображениях которого отражена история покорения Дахя (Бактрии) юечжами – тохарами. Ничего подобного мы не наблюдаем ни в Рабатаке, ни в Сурх-Котале, ни на Айртаме.

После завоевания Бактрии юечжи = тохары вступили в войну с парфянским царем Артабаном (128–124 гг. до н. э.), в итоге которой последний, получив рану, скончался (Justin. XLII, 2, 2.). В это время парфяне еще не владели территорией восточнее Апаварктикены, в частности Маргианой, а потому, надо полагать, война шла на терри-

тории между Амударьей и Тедженом или Келифским Узбоем, куда юечжи – тохары проникли со стороны Бактрии и Согдианы через переправы на Амударье – Керки и Ходжа-Салар. О покорении даже части Бактрии парфянами в это время не могло быть и речи поскольку доподлинно известно, что парфяне расширили свои владения на востоке до Амударьи лишь при Митридате II (124/123–88/87 гг. до н. э.).

Помимо внешних войн, тохары = юечжи вели и междоусобные войны между упомянутыми выше кочевыми завоевателями Бактрии. На это указывает специальная глава Помпея Трога в конце «Пролога» 42, озаглавленная «Как асианы сделались царями у тохаров» (сама глава, к сожалению, не сохранилась).

В этой связи весьма интересна находка костяной пластины с изображением юечжийского всадника, стреляющего из лука, найденная на поселении Тиллябулак в Пашхурдской долине, по которой, кстати сказать, через проход Кампыр-дагана шел путь в Парфию.

Покончив с войнами и междоусобицами, юечжи (=тохары) занялись строительством своего государства. По-видимому, в это время в Бактрии было создано государство Больших юечжей, называемое в китайских хрониках Большой Юечжи. Чжан-Цзянь характеризует его как владение кочевников, которые все время переходят с места на место вместе со своим скотом. Столицей государства был город Ганьши (Тяньши) или Ланьши, который отождествляется с Дальверзинтепа и Бактрами².

Народонаселение состояло из 100 000 семейств, 400 000 душ и 100 000 строевого войска. В зависимости от Большого Юечжи находилось пять хи-хэу (владений): Хюми, Шуанми, Гуйшуан, Хэйтунь (или Хисйе) и Гаофу (или Думи).

---

² На протяжении всего существования государства Больших юечжей месторасположение столицы изменялось несколько раз.

Таким образом, в Бактрии, взамен Греко-Бактрийского царства с его обожествлением царей, было создано конфедеративного типа государство во главе с верховным правителем, чеканившим свою монету (подражания монетам Гелиокла), в состав которого входили пять достаточно самостоятельных владений, в некоторых из них также чеканились свои монеты. По форме правления и типу устройства государство Больших юечжей коренным образом отличалось от предшествующих эллинистических государств Бактрии.

Согласно Е. А. Давидович, весь юечжийский период в истории Бактрии можно разделить на три этапа (на основании трех источников) :

I этап (Чжан-Цзянь; события в 130–125 гг. до н. э.). Большие юечжи завоевывают область Дахя и обосновываются к северу от Амударьи. Южная граница их владений – Дахя.

II этап (Хань-шу, события до 25 г. н. э.). Становление и дальнейший рост государства Больших юечжей. Столица государства находится к северу от Амударьи, южная граница государства – область Гибинь (Кашмир или Гандхара. – Э. Р.). На территории государства имеется пять областей-владений, управляемых зависимыми си-хоу или хи-хэу (=ябгу)³.

III этап (Хоу Хань-шу, информация близка 125 г. н. э.). Распадение объединенного государства Больших юечжей; обособление и усиление самостоятельности пяти областей-владений юечжийских ябгу. Столица в городе Ланьши (Бактра). Ябгу кушан Киоцзюкю (Куджула Кадфиз) подчиняет остальные четыре владения, положив тем самым начало Кушанскому государству.

О том, что Северная Бактрия на первом этапе являлась одной из основных территорий расселения юечжей, свидетельствуют и археологические памятники этой области, хранящие многочисленные

---

³ Термин «хи-хэу» также рассматривается как китайский эквивалент титула *uavuga*, который в свою очередь отождествляется с тюркским титулом *ябгу*.

следы их пребывания. На данной территории обнаружено большое количество городищ и поселений, основанных или интенсивно обживавшихся в юечжийское время. Обнаружено и изучено немало могильников этого времени, относящихся, по-видимому, к юечжам – тохарам, а также другим кочевым племенам, завоевавшим Бактрию (Тулхар, Бабашов, Рабат I–III, Айртам и ряд других).

Для реконструкции политической истории Бактрии юечжийского периода важное значение имеют нумизматические данные – монеты т. н. «варварского Гелиокла», подражания оболам Евкратида (171–150 гг. до н. э.), подражания монетам Фраата IV (38–3/2 гг. до н. э.) и Фраатака (3 г. до н. э. – 3 г. н. э.), монеты Сападбиза, тетрадрахмы и оболочки Кушана («Герая»).

Наиболее ранними из них являются подражания монетам Гелиокла (с Зевсом на об. ст.) и подражания монетам Евкратида, начало выпуска которых относится к последней четверти II в. до н. э. Другие же группы монет выпускались значительно позднее – во второй половине I в. до н. э. – I в. н. э.

Таким образом, нумизматические данные несомненно указывают на то, что образование пяти владений внутри государства Больших юечжей представляло собой не единовременный акт, а процесс, длившийся достаточно долгое время.

Первоначально возникли только два владения, находившиеся в Северной Бактрии, затем еще три, преимущественно охватившие ее южную часть.

Политическое положение этих владений внутри государства Больших юечжей, судя по монетным данным, было неравнозначным. Так, из всех пяти групп монет лишь на двух имеются имена правителей: Кушана («Герая») и Сападбиза. При этом только имя Кушана («Герая») передано с титулом – ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ (частная форма от греч. τύραννος – «тиран»), переводимым как «властвующего, владычествующего» (в генетиве). По мнению Дж. Кен-

неди, которое надолго закрепилось в науке, этот титул «отражал вассальный характер его носителя». Однако в греческой традиции тираном именовался человек, насильственно захвативший власть в полисе и установивший там единоличное правление. основополагающий признак тирании – единовластие. Исходя из этого, можно предположить, что правитель Кушан («Герай»), чеканивший монеты с таким титулом, пришел к власти насильственным путем, подчинив себе остальных юечжийских правителей. С такой трактовкой согласуется и весьма высокого уровня монетный чекан этого правителя, резко выделяющийся среди других монетных чеканов юечжийского времени. Если же согласится с более ранней датировкой монет Кушана («Герая»), чем предлагалось прежде, то не исключено, что этот правитель уже на ранней фазе становления юечжийского государства занимал в нем весьма высокое положение, быть может даже являлся главой государства Больших юечжей.

Имя другого правителя – Сападбиза приведено на монетах без всякой титулатуры, что, вероятно, означало менее значимый вассальный характер его власти.

Что касается остальных владений, то они, судя по имеющимся на сегодня монетным данным, занимали еще более скромное положение в иерархической структуре государства Больших юечжей в Бактрии. Все это указывает на сильную центральную власть в этом государстве при большой самостоятельности входивших в нее владений.

Таким образом, государство Больших юечжей представляло собой конфедерацию отдельных владений, находившихся в известной степени зависимости от верховного главы. Это государство могло представлять собой своеобразный союз равноправных владений. Во всяком случае, оно имело свои границы и территорию – Бактрия, столицу в г. Бактра и свою армию (строевое войско) в 100 000 человек.

Глава 4.

ИСТОКИ КУШАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. МОНЕТЫ
«ГЕРАЯ» – АНТЕИХ[ОСА] – САНАБ[АРА] – КУШАНА

*Тетрадрахма «Герая» с именем
ΣΑΝΑΒ[ΑΡΑ].*

Общеизвестна исключительно важная роль монет «Герая» для воссоздания начального этапа формирования Кушанского государства. Не случаен поэтому интерес, проявленный к ним учеными различных поколений (А. Каннингэм, П. Гарднер, Ж. Баттаиль, Р. Гиршман, Л. Н. Зограф, С. П. Толстов, Е. А. Давидович, Е. В. Зеймаль, Дж. Крибб). Вместе с тем, чтение и перевод ряда слов в легенде на тетрадрахмах этого правителя, состоящей, как известно, из четырех слов, а также их историческая интерпретация остается во многом дискуссионной.

Тетрадрахма «Герая» с именем ANTEIX[ΟΣ].

Голова кушанского принца (по Г. А. Пугаченковой). Халчаян.

Напомним, монеты юечжийского правителя, вошедшего в науку под именем «Герай» (иногда «Санаб»), – первые известные монеты с указанным в легенде словом «кушан», – являются наиболее ранним свидетельством зарождения кушанской династии, основателем которой был некий Кушан, внутри государства юечжей.

Монеты двух серебряных номиналов: тетрадрахмы и оболы. Изображения на тетрадрахмах: портрет правителя вправо в диадеме / конный всадник, венчаемый парящей вверху Никой. На оболах: л. ст. – то же; об. ст. – стоящая фигура «божества». Легенда на тетрадрахмах состоит из четырех слов, на оболах из двух, выполненных греческим письмом.

Вариантов чтения легенды на тетрадрахмах несколько, но большинство ученых сходятся на одном: ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ ΗΙΑΟΙ ΚΟΡΡΑΝΟΥ ΣΑΝΑΒ (легенда имеет различные вариации написания, часто с ошибками и искажениями), которое в то же время переводится и трактуется ими по-разному, к примеру: «Правящий Герай Санаб кушанец» или «Властвующего (=ябгу) ΗΙΑΟΙВ кушана Санаба» или «Владычествующего ΗΙΑΟΙ Кушана. Санаб».

Не менее разнообразны версии и в отношении атрибуции и датировки этих монет, последние находки которых убеждают в их далеко не полной идентичности.

В частности, выявлены монеты, где на об. ст. отсутствует изображение парящей Ники, а портреты правителей значительно отличаются друг от друга. Наконец теперь имеются тетрадрахмы, легенда на которых отличается от вышеприведенной. Так, вместо иранского слова, ΣΑΝΑΒ, представляющего, по В. А. Лившицу, усеченную форму от ΣΑΝΑΒΑΡ или его греческого генетива ΣΑΝΑΒΟΥ, на них проставлено слово ANTEIX, возможно, так же усеченное от греческого родительного падежа ANTEIXΟΥ.

Сегодня известны четыре тетрадрахмы со словом ANTEIX: две, опубликованные Дж. Криббом, и две, опубликованные мной. В своей статье я предположил, что греческое слово ANTEIX является калькой ΣΑΝΑΒ и что оба они передают эпитет правителя, чеканившего эти монеты, – «отражающий врага», подобно эпитету при именах греко-бактрийских царей на их монетах: ΔΙΚΑΟΥ – «справедливого», ΤΕΟΥ – «божественного», ΑΝΙΚΙΤΟΥ – «победоносного» и т.д.

По поводу значения слова ANTEIX я обратился к выдающемуся знатоку древнегреческого языка и эпиграфики Ю. Г. Виноградову, который в ответном письме ко мне привел подробные примеры и разъяснения данного слова.

Москва, 19.06.1995

«Дорогой Эдуард!

*Взялся за перо, чтобы высказать свои замечания и соображения по поводу твоей статьи, рассматривавшейся на прошлой редколлегии ВДИ. Идея о том, что *Αντειχ* это греч. эквивалент иранского *Σαυαβ* кажется внешне привлекательной, но лишь на первый взгляд, т. к. внимательные размышления над ней неизбежно приводят ее в конфронтацию с языковыми нормами. Дело в том, что *ἀντειχον* – претеритное образование (аорист) от глагола *ἀντέχω*, в то время как в титулатуре всех правителей употреблялись прозвища или эпитеты, выраженные либо существительным (*σωτήρ*, *εὐεργέτης* и т. п.), либо прилагательным (*μέγας*, *φιλάδελφος* и т. п.), но никоим образом глагольными формами (к примеру, причастием), да и к тому же *ἀντειχ* может быть только личной, но не именной формой глагола. Возможно, следует поискать все же среди ЛП монетариев: *Αντι-χάρης*, *χαρμος*, *χαρίς*, *χαρίνος* (все они не позже позднеэллинистической эпохи), где *Αντιχ* будет передан как *Αντειχ*. Есть греч. передача латинского ЛП *Antiquius*=*Αντεικος*, *Αντικος* (наместник Фракии 161 г.). Но может быть *Αντειχ* это все-таки не слишком умелое написание *Αντει(ο)χ(είας)*, т. е. обозначение места чеканки? Во всяком случае, оба предлагаемых гипотетических варианта не продуцируют языковых противоречий.*

*С пожеланием плодотворных раздумий остаюсь
искренне Твой Ю. Г. Виноградов*

Однако из предложенных Ю. Г. Виноградовым двух гипотез не может быть принята ни одна, поскольку, насколько известно, на монетах, выпускавшихся в Бактрии, не проставлялись ни имя монетария, ни обозначение монетного двора. Слово ANTEIX на монетах, опубликованных Дж. Криббом и автором этих строк, помещено на

том месте, где впоследствии появляется слово ΣΑΝΑΒ, ΣΑΝΑΒΟΥ, т. е. греческое слово заменяется иранским, вероятнее всего, равноценным по смыслу.

Возможно, в третьем слове легенды на тетрадрахмах передано имя правителя, выпускавшего эти монеты, которого по-гречески звали ANTEIX[OΣ], а по-ирански ΣΑΝΑΒ[ΑΡ]. И то, и другое передано на монетах в усеченной форме. В этом отношении интересно имя Antiquus (наместник Фракии 161 г.), приведенное Ю. Г. Виноградовым в письме. Возможно, оно аналогично имени ANTEIX[OΣ]. Впрочем, не исключено, что это два самых ранних правителя из династии Кушан.

Как видно из приведенных выше примеров перевода легенды на тетрадрахмах, только слово ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ имеет среди ученых общее трактование как титула. Остальные же слова понимаются ими по-разному: слово ΗΙΑΟΙ – как личное имя (первый вариант перевода) или составная часть титула (в форме определяющего прилагательного, согласующегося либо с предшествующим, либо с последующим словом), слово ΣΑΝΑΒ – как личное имя, прозвище или эпитет (первый и второй варианты перевода), а также как обозначение монетного двора или магистрата, ведавшего выпуском монет (третий вариант перевода), последнее слово ΚΟΡΡΑΝΟΥ – как имя собственное (третий вариант перевода) или обозначение племенной принадлежности.

Слово ΚΟΡΡΑΝΟΥ также могло обозначать патроним, имя общего предка племени или рода – основателя как самого владения Гуйшуан (Кушан), так и ставшей позднее потомственной династии Кушан.

Впоследствии все цари кушанского (юечжийского) государства, сохраняя пиетет к основателю династии, помещали его имя на своих монетах, подобно тому, как парфяне проставляли на своих монетах имя основателя династии – Аршака.

Эфталиты – выходцы из Бактрии, создавшие в середине V в. н. э. два государства: в Индии и Бактрии, – также помещали на своих монетах имя основателя династии, общего предка (патроним) – Алхона или Алхана. Имя АЛХОНΟ появляется впервые на монетах, чеканенных в Бактрии, а затем регулярно, на протяжении более ста лет, проставляется в бактрийском написании на монетах всех эфталитских царей Индии – Тороманы, Михиракулы и др.

Возможно предположить, что монеты Кушана («Герая») принадлежали эмиссиям не одного, а нескольких правителей, традиционно не проставлявших своего имени (как на парфянских монетах), а помещавших только имя основателя династии – Кушана.

1. Видимо, наиболее ранними из них следует признать весьма редкие пока экземпляры с греческим ΑΝΤΕΙΧ, легенда на которых еще греческая. Их известно сейчас 4 экз., один из коллекции Сеньора, один куплен недавно Дж. Криббом в Лондоне для Британского музея и два зафиксированы в Ташкенте, один из них, опубликованный мною, находится в Музее истории этого города.

2. Следующую стадию в чеканке этих монет представляют экземпляры, на которых греческое имя (?) заменено иранским – ΣΑΝΑΒ.

3. Одну из завершающих их стадий представляет монета, опубликованная ташкентским нумизматом Д. В. Бирюковым. Эта тетрадрахма, вывезенная из Афганистана, отличается от всех известных ранее экземпляров рядом существенных иконографических и эпиграфических признаков, как то: превращением диадемы на голове правителя в обруч, наличием обреза и отсутствием фигуры Ники за спиной всадника, почти полностью искаженной легендой.

Д. В. Бирюков пришел к правильному, на мой взгляд, выводу о том, что данный экземпляр хронологически отделен от прототипа целым рядом промежуточных выпусков, и что мы имеем здесь дело с традицией, которая складывалась на протяжении многих десяти-

летий. Он считает, что начало выпуска монет «Герая» следует отнести ко второй половине II в. до н. э. По его мнению, они заполняют промежуток между эмиссиями греко-бактрийских царей и началом подражательной чеканки юечжей.

Не исключая столь раннюю дату возникновения чеканки монет с именем Кушана, я все же склоняюсь к несколько более позднему времени – началу I в. до н. э. и более продолжительному периоду их чеканки – вплоть до включения Бактрии в состав Кушанского царства при Виме Такто, – по-видимому, это вторая половина I в. н. э., т. е. к одновременности выпуска этих монет с монетами иных юечжиинских правителей – подражательной чеканки по образцу монет Гелиокла и Евкратида, а также, на завершающей стадии, с монетами Сападбиза и Агизелеса. Весьма важно, что эта монета, судя по ряду иконографических признаков, непосредственно примыкает к чекану Сотера Мегаса, т. е. Вимы Такто. Об этом свидетельствует, в частности, фигура конного всадника, головной убор и длинный развивающийся плащ (на месте богини Ники ранних выпусков).

4. Наконец, завершающую стадию выпуска монет представляют две крупные медные монеты из коллекции А. Канингэм, хранящиеся в Британском музее: правитель вправо/конный всадник и парящая Ника. Изображение правителя далеко от прототипа, но легенда по кругу та же: ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ ΗΙΑΟΙ ΚΟΡΡΑΝΟΥ, однако, слова ΣΑΝΑΒ или ANTEIX отсутствуют. Зато перед лицом правителя имеются знаки, передающие, по Дж. Криббу, монограмму кхароштли, очевидно *jatha*. Эта монета весьма важна, так как может свидетельствовать о проникновении представителей рода Кушана за Гиндукуш, в область, населенную индийским этносом.

Глава 5.

К ЛОКАЛИЗАЦИИ ВЛАДЕНИЯ ГУЙШУАН (КУШАН)

Обратимся к сложному вопросу о местонахождении первоначального владения кушан – хи-хэу Гуйшуан (*Гуйшуан* – это китайская транскрипция термина «кушан», известного по монетам и эпиграфическим памятникам). Сейчас накоплен большой нумизматический материал, позволяющий достаточно уверенно говорить о топографии различных групп монет, обращавшихся в Бактрии в юечжийское время. Наибольшее число монет Кушана («Герая») – 17 оболов и клад тетрадрахм – найдено в Южном Таджикистане, в низовьях Кафирнигана и в храме Окса на Тахти-Сангине. В остальных местах Бактрии и за ее пределами найдены лишь их единичные

Скульптура Халчаяна (реконструкция Г. А. Пугаченковой).

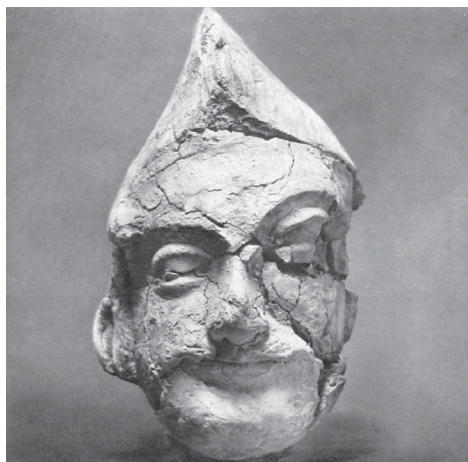

*Предок династии - Кушан.
Халчаян.*

Экземпляры (Дильберджин, Термез, Кабулистан, Гандхара, Узундара). Показательно, что ни одной находки монет Кушана («Герая») не зафиксировано в античном Чаганиане, несмотря на открытие здесь, в Халчаяне, скульптурной группы, названной Г. А. Пугаченковой «Гераяевым родом», и локализацию на месте городища Дальверзинтепа столичного города владения Гуйшуан – Ходзо, также предложенную Г. А. Пугаченковой. Уже только этот факт исключает данную область из круга мест возможного нахождения владения Гуйшуан.

Вместе с тем, и наличие наибольшего количества находок данных монет в Южном Таджикистане вовсе не говорит о том, что именно здесь находилось владение Гуйшуан (Кушан). Это лишь определено указывает на северный ареал распространения данных монет, а также, вероятно, на пределы владения Гуйшуан (Кушан) на севере.

Если же учесть, что главные династийные храмы Кушан, особо величественные и почитаемые, расположены в Сурх-Котале и Рабатаке, то можно

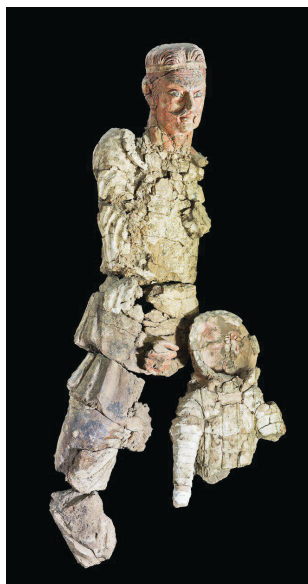

Голова правителя. Халчаян.

с большой долей вероятности предположить, что центр хи-хэу Гуйшуан – владения рода Кушан, из которого происходил основатель Кушанского царства, а посему долженствующий выделяться величиим архитектурных сооружений, находился в нынешней афганской провинции Баглан. Возможно, великие кушанские цари Канишка I и Хувишка, при которых эти храмы были возведены, увековечили тем самым память о родине своих предков, где зародилась династия Кушана.

*Голова кушанского принца
(по Г. А. Пугаченковой).
Халчаян.*

*Кушанский принц
(по Г. А. Пугаченковой).
Халчаян.*

Немаловажно отметить, что Баглан был связан прямыми дорогами через Гиндукуш с Кабулистаном, где вначале в качестве сопровителя греко-бактрийского царя Гермея, а затем вождя (ябгу) начал свою политическую карьеру один из представителей рода Кушана – Куджула Кадфиз.

ЧАСТЬ II КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО

Глава I.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Кушанское царство одно из величайших государств античного времени. В I – начале III в. н. э., наряду с такими гигантами как Римская империя, Парфянское царство и государство Хань, оно властвовало над обширной территорией цивилизованного мира, занимая важнейшее положение между цивилизациями Запада и Дальнего Востока.

В пору своего могущества при царе Канишке в состав Кушанского царства входили большая часть полуострова Индостана, нынешние Пакистан и Афганистан, Южный Таджикистан и Узбекистан.

Создатели этого царства – юечжи – были выходцами из глубинки Центральной Азии, но сама кушанская государственность включала в себя черты государственного строя, административного управления, титулатуры, сословной иерархии, религии, материальной и духовной культуры разных народов, включая эллинов, бактрийцев и народы Индостана. Собственно, это была полиэтническая государственность, в которой толерантность имела государственное значение.

После покорения Индии юечжи, как свидетельствуют китайские исторические хроники, сделались сильнейшим и богатейшим домом. Соседние государства называли его кушанским государством, в то время как китайский двор сохранял за ним его прежнее название – Большой Юечжи. Столицей государства стал город Паталипутра (нынешний Пешавар).

В целом, в истории кушанской государственности можно определить два важнейших периода, рубежом между которыми являлось время царствования Канишки. В первый, ранний, период во многих областях государственного устройства и в культуре еще сохранялись черты эллинского влияния, во-второй – происходит, по-видимому, решительный отказ от этих традиций и переход к новым веяниям, связанным с торжеством азиатских, в широком смысле, бактрийских и индийских традиций.

В знаменитом теперь эдикте царя Канишки из Рабатака говорится: «И он (царь Канишка. – Э. Р.) *издал *эдикт (по-)гречески, (и) затем переложил его на арийский язык» (в данном случае – это бактрийский язык. – Э. Р.). То же самое демонстрируют и кушанские монеты: со времени Канишки греческие надписи и титулатура на монетах заменяются на бактрийские.

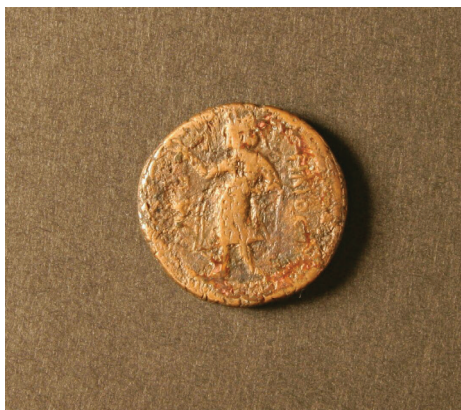
В этой части книги, наряду с общими для истории кушанского государства вопросами в основном охарактеризованы те данные, которые имеют отношение к современной Сурхандарьинской области Узбекистана – важнейшей части Северной Бактрии, связанные с распространением сюда кушанской государственности.

Глава 2.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КУШАНСКОГО ГОСУДАРСТВА. ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ ЦАРЕЙ, СЫН БОГА КУДЖУЛА КАДФИЗ

Возникновение Кушанского царства отражают две группы источников – краткие сведения древнекитайских хроник и нумизматические данные.

В «Истории младшего Дома Хань» после описания юечжийского завоевания Бактрии и разделения государства Больших юечжей на пять княжеских родов (или владений) сообщается: «По прошествии с небольшим ста лет гуйшуанский князь Киоцзюкю покорил прочих

Монета Канишки I.

Монета Вимы Кадфиза.

четырёх князей и объявил себя государем под названием гуйшуанского. Он начал воевать с Аньси, покорил Гаофу, уничтожил Пуду и Гибинь, и овладел землями их. Киоцзюкю жил более 80 лет. По смерти его сын Яньгаочжень получил престол, и еще покорил Индию, управление которой вручил одному из своих полководцев. С сего времени Юечжы сделался сильнейшим и богатейшим Домом. Соседние государства называли его гуйшуанским государем, но китайский Двор удержал прежнее ему название: Большой Юечжы».

Лингвистически прежде доказано, что имена Киоцзюкю и Яньгаочжень соответствуют именам кушанских царей Куджулы Кадфиза и Вимы Кадфиза (сейчас доказывается, что имя Яньгаочжень соответствует Виме Такто (см. ниже)).

Титулатура, помещенная на монетах Кушанида Куджулы Кадфиза, показывает постепенное его возвышение от князя (ябгу) до царя царей, сына бога: *Maharajasa Mahatrasa Kuhanasa Kaphasa devaputra*, а надписи на его монетах, исполненные на кхароштли, демонстрируют включение в состав созданного им царства областей с индийским этносом.

Монеты Куджулы Кадфиза найдены в Кабулистане и Гандхаре, причем количество их находок здесь исчисляются сотнями и даже тысячами экземпляров. Между тем, в Южной и Северной Бактрии монеты Куджулы Кадфиза обнаружены лишь в единичных экземплярах, что исключает его влияние в этих областях. Вероятно, в других частях Бактрии управляли представители иных юечжийских родов, выпускавшие подражания монетам Гелиокла и оболам Евкратиды различных типов, а также монеты самостоятельной чеканки династии Сападбиза.

Глава 3.

ГЕНЕАЛОГИЯ, ПОРЯДОК ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ, ХРОНОЛОГИЯ КУШАНСКИХ ЦАРЕЙ

На основе суммированных сведений, содержащихся в китайских хрониках, бактрийской надписи из Рабатака, в легендах на монетах и эпиграфических надписях, установлено, что в кушанском государстве существовал порядок прямого престолонаследия от отца к сыну и т. д.

В надписи на каменной плите, установленной, по-видимому, в династийном храме в местности Рабатак в афганской провинции Ба-

глан, сообщается, что царь Канишка приказал каралрангу (начальнику пограничной области) Шафару установить статуи в честь своего прадеда Куджулы Кадфиза, деда Вимы Такто, отца Вимы Кадфиза и самого себя – царя Канишки. Родственная связь между Вимой Такто (отцом) и Вимой Кадфизом (сыном) подтверждается сейчас динаром, битым от имени Вимы Кадфиза – сына Вимы Такто.

Нумизматические данные добавляют к этим сведениям имена еще нескольких царей, правивших после Канишки: Хувишка, Васудева I и Канишка II (или III). На последнем, похоже, династия великих кушанских царей прекращается: монеты Васудевы I и Канишки II (III) встречаются в Северной Бактрии в большом количестве, тогда как монеты последующих царей – ученые выделяют также монеты кушанских царей Васудевы II и III – в Бактрии, в частности в северной ее части, полностью отсутствуют.

При или после Канишки II (III). Кушанская держава уже распалась. К этому времени остатки великого царства еще сохранялись, вплоть до завоевания Чандрагуптой. В Северной Бактрии, по-видимому, образовались небольшие эфемерные владения, правители которых чеканили подражания кушанским монетам и, возможно, возводили свое происхождение к великим кушанским династам.

Таким образом, относительная хронология правления кушанских царей, согласно монетным данным, была следующей:

- Куджула Кадфиз – основатель царства
- Вима Такто
- Вима Кадфиз
- Канишка I
- Хувишка
- Васудева I
- Канишка II (III) – последний царь из династии Великих Кушан.

В то же время кушанская абсолютная хронология, реконструируемая во многом путем сопоставления т. н. начальной даты правления Канишки I (НДК) с существующими в ту пору эрами и установления связи последних с современным летоисчислением, до сих пор точно не установлена.

В Кушанском царстве существовали различные эры (Селевкидская, Викрама, Сака, Калачури) и в том числе эра Канишки, начавшаяся со времени правления Канишки I. По этой эре датированы правления кушанских царей, пришедших к власти после него:

- Канишка I, 1–23.
- Васишка, 24–28.
- Хувишка, 28–60.
- Канишка II, 41.
- Васудева (Канишка III), 64–98.

Колебания в определении начальной даты Канишки I (НДК), являющейся краеугольным камнем кушанской абсолютной хронологии, весьма ощутимы – от 57 г. до н. э. до 278 г. н. э. Обзор различных мнений в отношении НДК с исчерпывающей полнотой проведен в 1968 г. Е. В. Зеймалем, отметившем, что для решения кушанской хронологии предложено более тридцати вариантов абсолютных дат.

Возможно, здесь могли бы помочь совместные находки в археологических слоях или кладах кушанских монет и монет парфянских, римских и сасанидских царей, имеющих точные даты правления.

Археолого-стратиграфические данные и монетная стратиграфия позволили Э. В. Ртвеладзе построить следующий временной ряд для монет Великих Кушан. В нижних его пределах (*terminus post quem*), на вторую треть I в. н. э., приходится один из этапов обращения монет Сотера Мегаса. Верхний же предел выпуска кушанских монет (*terminus ante quem*) ограничен второй четвертью III в. н. э. В

середину этого ряда закономерно укладываются монеты Вимы Кадфиза, Канишки I и Хувишки, что, в свою очередь, позволяет ограничить временные границы существования Кушанского царства в пределах начала I – первой половины III в. н. э. Причем время правления Канишки укладывается в первую половину II в. н. э. К такой датировке в последнее время склоняется все больше ученых. Так, Х. Фальк на основе анализа сведений из *Yavanajataka*, написанной *Sphujiddhva*ja, приходит к выводу, что время правления Канишки I относится к 127–150 г. н. э.

Глава 4.

КОНЦЕПЦИЯ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ У КУШАН

В древних обществах концепция царской власти состояла из нескольких частей: происхождения династии, древности царского рода, законности власти царя, божественности его происхождения, системы престолонаследия, симбиоза светских и религиозных функций, иерархии титулатуры, характера избрания.

Происхождение династии. Слово «кушан(ы)» в науке понимается как название владения, племени или как имя собственное. В древнекитайских письменных источниках это слово приводится в качестве названия одного из пяти юечжийских родов-владений – Гуйшуан (=Кушан) или антропонима (хи-хэу Гуйшуан=ябгу Кушан), но никогда в качестве названия племени. Этнически кушаны принадлежали к юечжам (=тохарам), что явствует из того факта, что китайский императорский двор (лучше всех знакомый с юечжами) сохранил за их стремительно разросшимся государством, которое соседние народы стали называть кушанским, его прежнее название – Большой Юечжи.

Не исключено, однако, что слово «кушан» (в докушанский и кушанский периоды), в особенности в легендах на монетах, означало родовое имя, патроним, ставший с возвышением рода и названием

правлящей в Кушанском царстве династии. Анализ происхождения других иранских династий убеждает в том, что свои названия они ведут от имени реального предка той или иной династии, что отражают как полулегендарные (Кайяниды), так и реальные династии: Ахемениды, Аршакиды и Сасаниды. Наиболее четко это положение отражено в Бехистунской надписи царя Дария I: «Говорит Дарий царь: мой отец – Виштаспа, отец Виштаспы – Аршама, отец Аршамы – Ариарамна, отец Ариарамны – Чишпиш, отец Чишпиша – Ахемен. *Поэтому мы называемся Ахеменидами*» (курсив мой. – Э. Р.).

На всех монетах от «Герая» и до Канишки III включительно в завершении легенды неизменно присутствует имя прародителя рода – Кушана, подобно тому как на парфянских монетах вплоть до I в. н. э. все цари называют себя родовым именем – Аршак.

В кушанском государстве была одна одноименная династия, что доказывается наличием слова Кушан на всех без исключения монетах, чеканившихся в этом государстве, и тамги одного и того же типа, при определенных вариантах у каждого из царей (личная тамга). До прихода кочевых племен юечжей – тохаров из Центральной Азии обычая проставления тамг на монетах в Бактрии не существовало (впервые тамга появляется на монетах юечжийского правителя Западной Бактрии Сападбиза, затем у Куджулы Кадфиза), что свидетельствует о происхождении кушанской династии от кочевых народов. У Куджулы Кадфиза мы наблюдаем продолжение кочевнических традиций, выраженных и в тотемизме: на его монетах помещены изображения коня, верблюда, хищника.

Титулатура. В титулатуре кушанских царей присутствуют иранские, индийские и греческие титулы, что вполне естественно, так как до прихода в Бактрию юечжи не знали царской власти. Кушанский правитель Кушан («Герай») имел на монетах греческий титул ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ, который, по мнению Дж. Кеннеди, носили мелкие полунезависимые правители. Однако, как уже говорилось

выше, тиранами были и могущественные правители, обладающие сильной деспотической властью (к примеру, тираны Сицилии), каковым, вероятно, был и Кушан («Герай»), о чем свидетельствуют его монеты весьма высокого качества.

В легендах самых ранних монет Куджулы Кадфиза – основателя царства был указан титул «вождь», «предводитель племени» (в греческом написании – ΖΑΟΟΥ, в бактрийском – $\alpha\beta\upsilon\omicron$). С созданием могущественного государства Куджула Кадфиз именуется на монетах уже как «великий царь», «великий царь царей» и даже «сын бога»:

1. Maharajasa mahatasa Kushana Kuyula Kapasa «Куджула Кара Капа, великий (из рода) Кушан, великий царь царей».

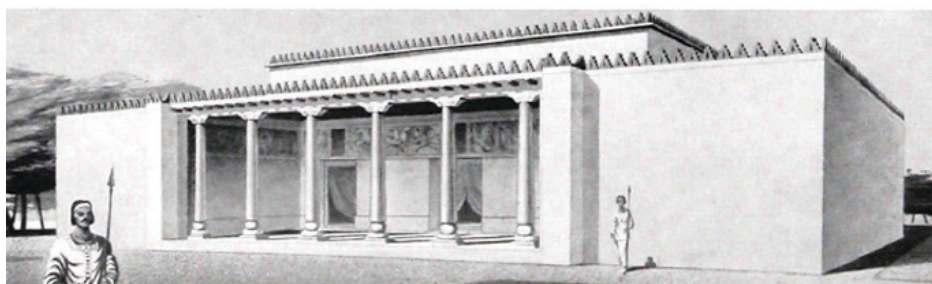
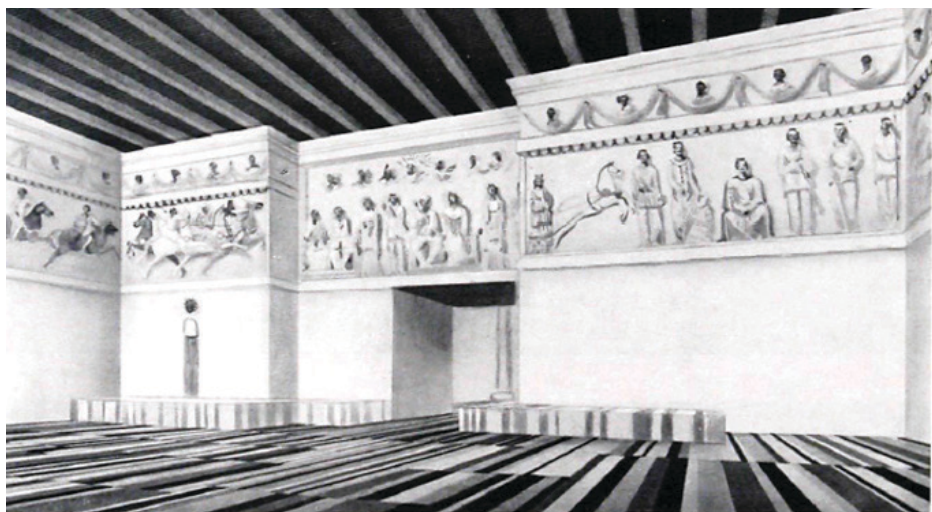
2. Kujula-Kara Kapasa maharajasa rayatirajasa «Куджула Кара Капа, великий царь, царь царей».

3. Maharajasa rayatirajasa devaputrasa Kuyula Kara Kapasa «Куджула Кара Капа, великий царь, царь царей, сын бога».

Таким образом, происходит обожествление власти царя и признание божественности его происхождения. И если в титул «царь царей» могло быть вложено иранское или греческое его понимание, то «сын бога» – титул, определенно, индийского или китайского происхождения.

Сын Куджулы Кадфиза – Вима Такто использовал только греческую титулатуру, а внук – Вима Кадфиз – как греческую («царь», «царь царей, великий спаситель»), так и индийскую, которая при нем еще более усложняется: «Великий царь, царь царей, хозяин мира, преданный махешваре, защитник веры».

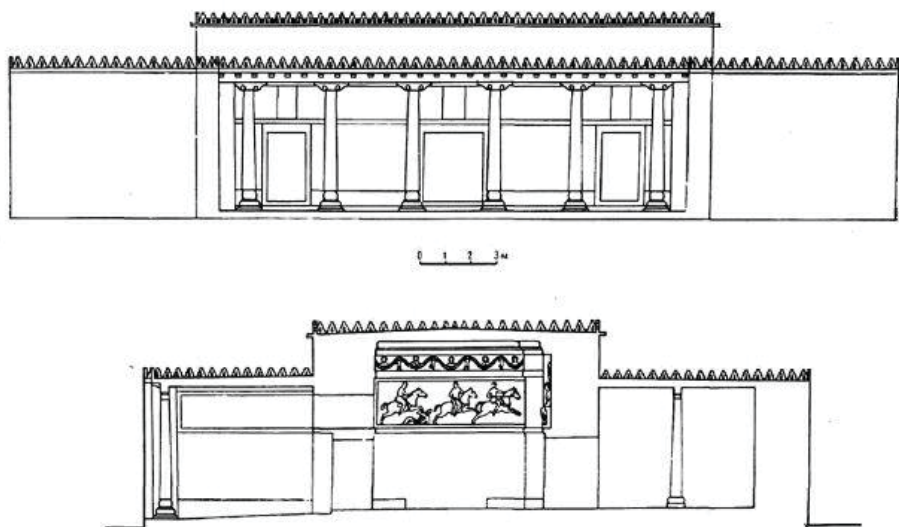
Канишка I со временем отказывается и от греческих, и от индийских титулов и официально декларирует свою принадлежность к иранскому (арийскому) миру. На монетах он именуется бактрийским титулом PAONANO PAO «царь царей»; тот же титул носят и все последующие кушанские цари.

*Дворец в Халчаяне. Внутренний и общий вид
(реконструкция Г. А. Пугаченковой).*

Концепция царской власти у кушан, таким образом, представлялась чрезвычайно сложным явлением. Она включала традиции верховной власти кочевого (юечжийского) и оседлого (бактрийского) азиатского мира, греческое и индийское, а, возможно, и китайское понятие сущности царской власти.

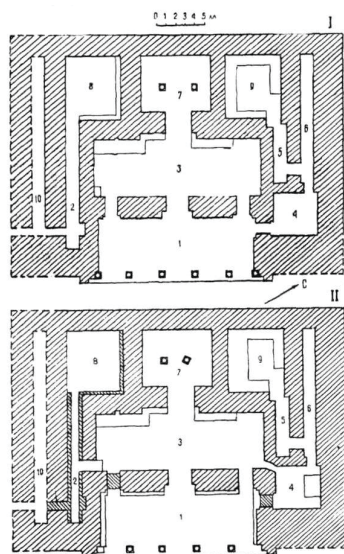
Утверждению этой концепции и внедрению ее в сознание населения на обширной территории Кушанского государства должны были способствовать династийные храмы, которые воздвигались в различных его частях.

*Халчаянский дворец (фасад и поперечный разрез).
Реконструкция Г. А. Пугаченковой.*

Главные из них в Сурх-Котале и в Рабатаке располагались на территории Южной Бактрии в современной провинции Баглан – по-видимому, прародине кушанской государственности. Храм в Сурх-Котале был возведен при царе Канишке или его приемнике Хувишке и был посвящен «Канишке победителю» (Kanishki Vanindo). «Храм» в Рабатаке, судя по содержанию надписи, был воздвигнут по приказу Канишки в память о ранних кушанских царях и одновременно должен был служить прославлению деяний самого Канишки.

Еще одно династийное святилище кушан находилось в Мате (Матхуре) в

План дворцового здания. Халчаян.

восточной Индии и, возможно, было посвящено царю Виме Такто. Аналогичного типа храмы существовали и в Северной Бактрии. Один из них – в Халчаяне (первоначально, возможно, дворец) – был возведен, по-видимому, в первой половине I в. н. э. при Виме Такто и украшен скульптурной композицией, посвященной триумфу юечжей – тохар и утверждению кушанской государственности на самом раннем этапе ее развития.

Другой – династийный храм Хувишки в Айртаме – был возведен при Хувишке, что засвидетельствовано надписью на скульптурном блоке, найденном на городище. Эта надпись имеет большое научное значение, так как содержит сведения о важных исторических событиях. Поэтому остановимся на ней более подробно и рассмотрим основные этапы развития самого храма и городища в целом.

I. АЙРТАМСКАЯ НАДПИСЬ: ТЕКСТ, ПЕРЕВОД, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Городище Айртам

Айртам, расположенный в 18 км к востоку от г. Термеза на правом берегу Амударьи в Сурхандарьинской области Республики Узбекистан, вошел в науку после открытия в 1932–1933 гг. скульптурного фриза с изображением музыкантов. Это открытие, по существу, послужило исследователям основанием для интерпретации Айртам как классического памятника буддизма и буддийского искусства.

Городище Айртам представляет собой цепь холмов, растянувшуюся вдоль обрывистого берега Амударьи на 3 км с запада на восток, при ширине 300–500 м. Оборонительные стены у городища отсутствуют, но в западной его половине находится укрепленная часть – крепость (μαλιζο) около 250×110 м; с севера и востока ее сохранились остатки оборонительной стены, с запада – руины трех

башен; южный край, обращенный к Амударье, обрушился в реку⁴. В юго-западном углу укрепленной части находился естественный холм, занятый культовым комплексом (объект А-1). К востоку от крепости расположено собственно поселение (объект А-2), в пределах которого был выявлен многоквартирный дом. Между объектами А-1 и А-2 были вскрыты основание т. н. буддийской ступы, прилегающее к ней здание (объект А-3) и печь для обжига.

Археологические исследования на городище Айртам проводились в разные годы: в 1933 г. – М. Е. Массоном по линии Узкомстарица, в 1937 г. – М. И. Вязьмитиной в составе отряда Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ), руководимой М. Е. Массоном. Причем первые раскопки были сконцентрированы на участке объекта А-1, на месте предполагаемого буддийского храма. После этого раскопки на памятнике были прерваны и возобновлены лишь спустя 27 лет, в 1964 г., Узбекистанской искусствоведческой экспедицией (УзИскЭ) Института искусствознания им. Хамзы под руководством Г. А. Пугаченковой и при непосредственном участии Б. А. Тургунова. Эти работы продолжались три года (1964–1966 гг.) и привели к уточнению археолого-стратиграфической периодизации, новым открытиям и расширению площади раскопок на городище.

В 1976 г. была опубликована книга М. Е. Массона, в которой автор привел ряд ранее неизвестных данных о раскопках на Айртаме в 1933 г., а также чертежи планов и фотографии тех лет.

В 1979 г. в связи со строительством моста «Дружба» через Амударью археологические исследования на Айртаме были продолжены отрядом УзИскЭ под руководством Б. А. Тургунова, приведшие к не менее, а возможно и более значимому открытию, чем Айртамский фриз.

---

⁴ Эта часть Айртама была почти полностью разрушена в 1979 г. при строительстве моста «Дружба» через Амударью.

Скульптурный блок с изображением двух фигур и бактрийской монументальной надписью

Скульптурный блок был обнаружен Б. А. Тургуновым в 1979 г. в северо-восточной части монументального здания культового комплекса А-1 (далее здание А-1), в 12–15 м от места обнаружения плит фриза, найденных М. Е. Массоном в 1933 г. в том же здании. Блок был найден на глубине 1,5 м от дневной поверхности, несколько выше фриза, выявленного, согласно М. Е. Массону, на отметке около 2 м от той же поверхности. Обнаруженный блок был, очевидно, опрокинут еще в древности, так как лежал наклоненный к стене. И блок, и плиты фриза найдены в хронологически синхронных слоях, которые относятся исследователями ко второму периоду функционирования здания А-1⁵.

Блок изготовлен из монолита белого органогенного известняка⁶. Постамент блока увенчан двумя частично сохранившимися рельефными фигурами: справа – женской, слева – мужской. Сохранившаяся часть женской фигуры имеет высоту до 70 см. Женщина в длинных драпирующихся одеждах стоит с перекрещенными но-

Айртамский скульптурный блок.

5 О выделении в функционировании здания А-1 двух периодов см. ниже.

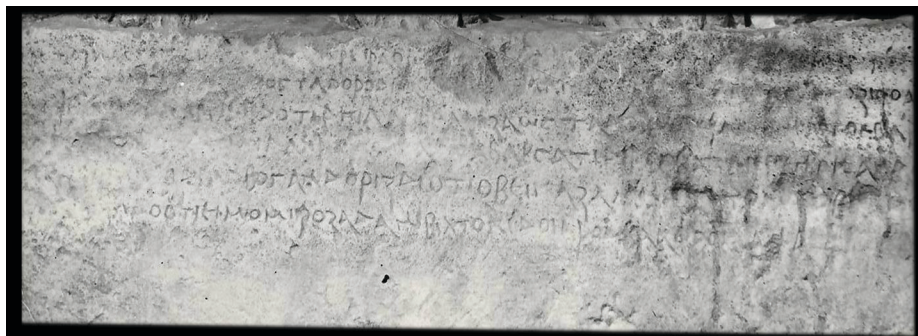
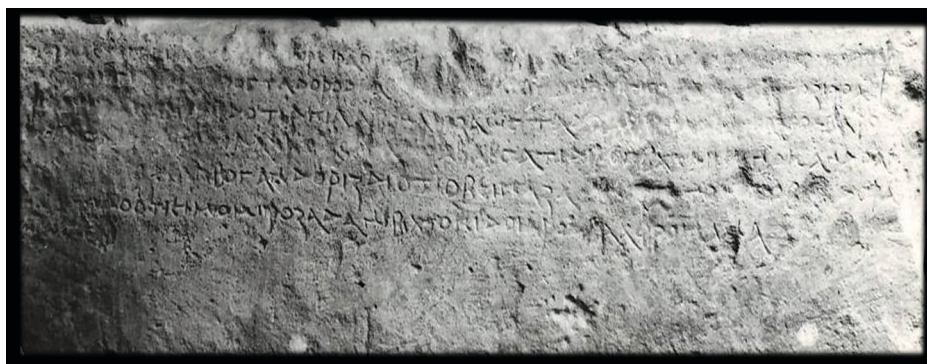
6 Определение геолога А. Живетина.

гами, опираясь на левую ногу. Ноги босые, с толстыми браслетами, украшенными восьмилепестковыми розетками. От мужской фигуры сохранились лишь обнаженные до колен босые ноги – стопы и голени, высотой 38 см. Отдельно найдена кисть правой руки одной из фигур.

Тыльная сторона блока, в отличие от лицевой, обтесана неровно; отчетливо видны следы инструмента мастера.

Бактрийская надпись на постаменте

Примечательной особенностью Айртамской надписи является то, что она сопровождает скульптуру, что выделяет ее из всех монументальных надписей Бактрии (Сурх-коталской, Рабатакской,

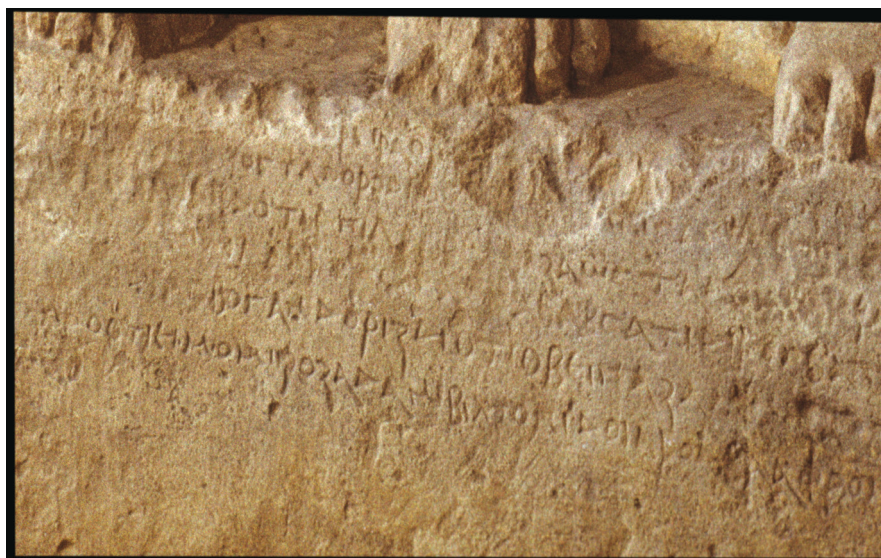
Бактрийская надпись на постаменте. Айртам.

Дильберджинской) и сопредельного Кабулистана (Дашт-и Навур). Возможно, что это дань эллинистической традиции, примером чему является вотивная статуэтка Марсия из храма Окса в Тахти-Сангине, на постаменте которой, как в Айртаме, нанесена надпись.

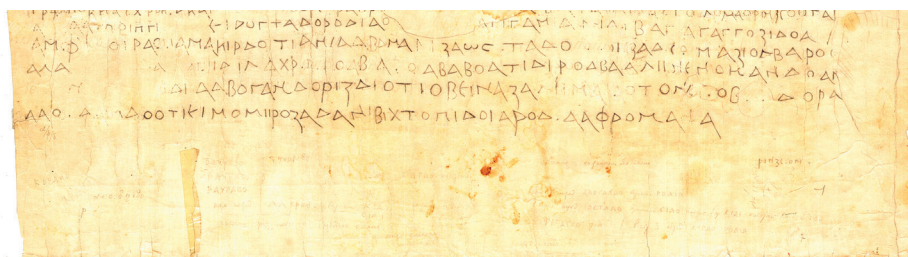
Прямоугольный постамент, находящийся в основании скульптурных изображений, имеет ширину 78 см, высоту – 23 см, толщину вверху – 29 см, внизу – 32 см. В верхней части постамента вырезана надпись, содержащая шесть строк. Письмо ее – бактрийское.

Надпись сохранилась лишь частично – текст сильно пострадал от разрушений поверхности постамента. Верхняя половина его, где находится надпись, длительное время не была надежно прикрыта землей, и проникавшая сюда вода размывала поверхность камня (буквы надписи вырезаны неглубоко – от 0,1 до 0,3 см). В середине верхнего края постамента имеется выщерблина длиной 12,5 см, шириной 4 см, глубиной 0,8–1 см, полностью уничтожившая часть 1-й и 2-й строк надписи. Больше всего пострадал левый край постамента, где расположены начальные части строк; правый край постамента обломлен на 4–5 см, из-за чего конечные буквы в 3–5 строках не сохранились.

Первоначально в тексте имелось примерно 360–380 букв (первая строка, написанная более мелким почерком, содержала около 70 букв, стк. 2–5 – около 60–65, а шестая строка – 51 букву), из них полностью или частично сохранилось 280 букв, причем лакуны стертых или полуразрушенных букв имеются во всех строках, что сильно затрудняет истолкование содержания надписи. Трудности чтения и интерпретации Айртамской надписи связаны еще с несколькими обстоятельствами: слитное, без словоразделов начертание текста (так во всех ранних бактрийских надписях); наличие большого числа повреждений, часть которых трудно точно определить; наконец, ограниченный объем наших знаний о бактрийском языке, хотя открытия в 1990-х гг. надписи из Рабатака и бактрийских документов из Роба и Гузгана значительно его пополнили.

Айртамская надпись. Фрагмент.

Прорисовка надписи (выполнил Э. В. Ртвеладзе).

Лучше других сохранилась последняя, шестая строка надписи. Уже при первом осмотре памятника 11 декабря 1979 г. мне удалось прочесть в этой строке заключительную формулу надписи, вычленив в ней отдельные слова: ...оті еіцо мироџада виџихто лџдо іа џоб[і]аа фроцава – «...и это написал Мирзад по приказу Шодиа».

Первая публикация об этой надписи появилась в газетах. О находке ее тотчас было сообщено выдающемуся знатоку древних письменностей Средней Азии В. А. Лившицу, который в июне

1980 г. специально приехал в Ташкент. В течение недели он совместно со мной тщательно изучал надпись на скульптурном блоке, находившемся в то время в музее Института искусствознания им. Хамзы. Тогда же В. А. Лившицу удалось прочесть начальную фразу 1-й строки – сочетание $\beta\alpha\omicron\sigma\theta\epsilon\rho\kappa(\omicron)\iota[\chi]\rho\omicron\nu\omicron\delta\kappa\alpha[\lambda\delta]\omicron$ – «Царя Хувишки год правления 4, когда...», а также определить такие ключевые слова, как $\beta\alpha\gamma\alpha\lambda\alpha\gamma\gamma\omicron$ – «храм», $\mu\alpha\lambda\acute{\iota}\zeta\alpha$ – «акрополь, крепость» и ряд других важных для понимания содержания надписи слов. Предварительным итогом этого исследования стала наша совместная статья.

Айртамская надпись сразу же привлекла внимание ряда зарубежных и отечественных ученых. В 1983 г. оригинал надписи изучал Ж. Фуссман, подтвердивший в беседе с автором чтение ее отдельных слов и фраз. В 1984 г. Б. В. Лунин поместил перевод Айртамской надписи, выполненный В. А. Лившицем и мной, в своей хрестоматии.

В 1986 г. разбору надписи посвятил статью Я. Харматта, в которой он предложил собственный вариант ее прочтения и перевод. Однако предложенная им реконструкция текста в подавляющем большинстве случаев не соответствует действительности, что не удивительно, поскольку он основывал свое чтение лишь на фотографиях надписи, не изучая сам оригинал. В 2006 г. Айртамскую надпись изучал Н. Симс-Уилльямс (к тому времени скульптурный блок был передан в Музей истории Узбекистана), ранее отметивший сходство вокабуляра и терминов надписей из Айртама и Сурх-Котала.

Между тем все эти годы мной была продолжена работа по выявлению полустертых букв надписи, некоторые из которых угадывались лишь по едва сохранившимся очертаниям. Было выполнено множество фотографий, эстампажи и прорисовка надписи, в которой достаточно точно переданы очертания и размеры букв, а также расстояния между строками. Эта прорисовка была передана, наряду

с моими новыми чтениями отдельных слов, В. А. Лившицу, который вскоре после этого предложил обновленный вариант чтения и перевода надписи⁷, опубликованный позже в двух книгах.

Ниже приводится текст и перевод айргамской надписи, основанный на моем новом чтении и понимании, с учетом ранее предложенных чтений и толкований В. А. Лившица.

При воспроизведении текста надписи использованы следующие обозначения: [] – буква не сохранилась, восстановлена; () – буква сохранилась частично, восстановлена; <> – буква пропущена; || – конец строки в оригинале. Буквы, не поддающиеся прочтению, обозначены точками по предполагаемому числу утраченных букв.

Текст

1. ραο οηορκ(ο/ι) ι [χ]ρνοο δ κα[λδ]ο ο••ωρε ραορ[ο]
••••••••(α/λ)ο βαγαομ/νιαδγγογο μαο <ο>ρμιζδοογα
2. (α)••(αα)• (κ?ρ)ιπν••••• ειδο σταδο ρ/ροδιαο ••••• [α](δι)γα
μαλια• βαγαλαγγο ζιδοα
3. αμ[ο] κ[οραν]ο (или ρ[αοναν]ο⁸) ρα(ο) ναμα κηδο <ο>τι ανια
αβο μαλιζα ωσταδο ••ι ζαδ(ε) •μαζιο δβαρο ••••(?)
4. αλα ••••• α•α [ε]ιδι γαχ ρ[αο]ρο αβα[v/γ]ο αβαβοα τιδιρο δβαα
λιμενο κανδο α(γ)•
5. ••ν••••• [κ/σ]ιδια αβογανδο ριζδι οτι οβει μαζα[v]ι <ι>ιμα[α] οτο
(να)[v]ο β••δο ρ/ρα••
6. •••••••δο οτι ειμο μιροζαδα νιβιχτο πιδοια ρ/ροδ[ι]αα φρομα(v)α

⁷ Изложены в письмах В. А. Лившица автору.

⁸ Ввиду плохой сохранности букв здесь возможны оба варианта – все зависит от того, какого размера буквами было написано данное слово – мелкими, как в первой строке, или более крупными, как в шестой строке.

Перевод⁹

1. Царь Хувишка. Год четвертый. Когда (землетрясение?)... страну/город... месяц Багаом/ниадгого (день) Ормазда
2. ...это стало/произошло. Ш/Родиа... пришел/прибыл(?). Здесь красивый храм
3. имени кушанского царя (*или* имени царя царей) сделал/построил и другое в крепости восстановил. (И)... изображением(?)... вход...
4. Из-за... это место города стало безводным/осталось без воды. Два водоема/пруда(?) выкопал...
5. ...которое назвал Абогандо и оба изображения(?) Йимы и Наны... город(?)
6. ...И это написал Миирозада (Мирзад) по приказу Ш/Родиа

Комментарий

Как видно из представленного выше перевода, в Айртамской надписи можно условно выделить три части – вводную (стк. 1–2), включающую формулу датировки надписи и указание времени (а, быть может, и причины) возможного разрушения города на месте Айртама, основную (стк. 3–5), повествующую о крупных строительных работах, произведенных неким Ш/Родиа (его титул в надписи не указан) по восстановлению города, и заключительную (стк. 6), сообщающую имя резчика надписи.

В начале 1-й строки указаны имя царя и буквенное обозначение года: $\text{𐎧𐎠𐎼𐎡𐎹} \text{ } \text{𐎠𐎹𐎡𐎴} \text{ } \text{𐎠} \text{ } \text{𐎧𐎡𐎴} \text{ } \text{𐎠} \text{ } \text{𐎠𐎹𐎡𐎴} \text{ } \text{𐎠} \text{ } \text{𐎧𐎡𐎴} \text{ } \text{𐎠} \text{ } \text{𐎠𐎹𐎡𐎴}$ – «Царь Хувишка. Год четвертый». Я. Хармагта, не исследовавший надпись в натуре, значительно расходился с нами в чтении даты (здесь и далее в статье отмечены лишь

---

⁹ Текст надписи разбит на ряд условных предложений, чтобы облегчить читателю понимание ее содержания.

некоторые ошибочные чтения Я. Харматты, поскольку их подробный критический разбор не входит в рамки данного исследования). По его словам, ее следует читать как *лямбду*, числовое значение которой = 30. Однако анализ оригинала надписи показывает, что он был неправ, так как в надписи стоит четкая *дельта* – т. е. четыре¹⁰.

После даты следует новое предложение, которое начинается со слова *каλδο* «когда» и заканчивается в стк. 2 глаголом прошедшего времени *σταδο* «стало, произошло»: *κα[λδ]ο ο••ωρε ραορ[ο] ••••••••(α/λ)ο βαγαομ/νιαδγγογο μαο <ο>ρμιζδοογα || (α)••(αα)• (κ?ρ)ιπν•••• εϊδο σταδο*. Значение второго слова в этом предложении, состоящего предположительно из шести букв – *ο••ωρε*, неясно¹¹. Следующее за ним слово *ραορ[ο]* имеет значение «страна, земля, город». После *ραορ[ο]* следует лакуна (выщерблина глубиной 1 см, длиной 12,5 см) приблизительно в 10–11 букв, в конце которой сохранились лишь две – *альфа* (или *лямбда*) и *омикрон*. Резонно предположить, что в лакуне стояло название этой страны (возможно, близкое названию Тохаристан (Тохарιστανο)).

Далее читаются три слова – *βαγαομ/νιαδγγογο μαο <ο>ρμιζδοογα*, ключом к пониманию которых является существительное *μαο* – бактрийский эквивалент общеиранского слова *mah* «месяц». Исходя из правил бактрийской грамматики, естественно заключить, что стоящее перед *μαο* слово *βαγαομ/νιαδγγογο* обозначает название данного месяца, соответствие которому видится в названии седьмого месяца древнеперсидского календаря – *Vāgayādiš*. Слово *ορμιζδοογα*, идущее следом за *μαο*, вероятно, передает название дня *Ohrmazd* – первого дня месяца в среднеперсидском варианте «зороастрийского» календаря (в Авесте он именуется *Ahurahya Mazdāh* – (день) Ахура Мазды).

¹⁰ Блестяще прочитано В. А. Лившицем.

¹¹ Предположительно это слово «землетрясение».

Последующие слова в тексте (предположительно два слова из 15 букв) не поддаются прочтению ввиду дефектного начала стк. 2. В завершении предложения – указательное местоимение εἰδο «это» и глагол прошедшего времени σταδο «стало, настало, произошло», известные по ряду бактрийских надписей. Таким образом, все предложение переводится как «Когда... страну/город... месяц Багаом/ниадгого (день) Ормазда || ...это стало/произошло». Допустимо предположить, что на месте поврежденных 15 букв были указаны год, написанный как в большой Сурх-котальской надписи (далее БСН) словом, или, возможно, обозначение того, что именно произошло, т. е. вследствие чего в городе начались строительные работы (возможно, слово «землетрясение»), но это остается в области догадок.

Новое предложение начинается с середины стк. 2, с имени собственного – Ρ/Ροδία, повторяющегося и в стк. 6, но с удвоенной *альфой* на конце. В. А. Лившиц предлагал передачу его как Šudya (Шудья), Я. Харматта – как Ροδία (относительно последнего отметим, что конечные *альфы* в этом имени имеют абсолютно четкое начертание, исключаящее наличие *ламбды*). Вполне возможно, однако, учитывая одинаковое написание букв *po* и *san* в бактрийском письме, чтение имени и как Ροδία (от греч. Ῥόδιος – житель острова Родос).

Далее в тексте имеется выщерблина длиной 7 см, которая могла уничтожить 7–8 букв. После нее – два слова [α](δι)γα μαλια•. Значение их, как представляется, может быть истолковано в том же ключе, что и выражение μαλο αγαδο «сюда пришел», встречающееся в надписях из Каратепа и в БСН. Однако в Айртамской надписи глагол [α](δι)γα в значении «пришел, прибыл» завершает собой предложение, тогда как указательное наречие μαλια• со значением «здесь» выступает началом нового. Таким образом, вполне вероятно, что в лакуне (на месте выщерблины) содержалось название города – «Ш/Родиа (в такой-то город) прибыл».

После этого следует перечень деяний Ш/Родиа в этом городе, начинающийся со слов $\mu\alpha\lambda\iota[.] \beta\alpha\gamma\alpha\lambda\alpha\gamma\gamma\omicron \zeta\iota\delta\omicron\alpha$. Слово $\beta\alpha\gamma\alpha\lambda\alpha\gamma\gamma\omicron$ – «храм», восходящее к древнеиранскому *baga-dāna-ka (букв. «вместилище богов»), впервые прочитано В. А. Лившицем, так же как и следующее за ним слово $\zeta\iota\delta\omicron$ (без конечной *альфы*). По его мнению, $\zeta\iota\delta\omicron$ восходит к древнеиранскому корню $zai-$, $zi-$ «снаряжать», «украшать», засвидетельствованному в хотано-сакском глаголе $\bar{a}ys\bar{a}n-$, перфектное причастие $\bar{a}ys\bar{a}ta-$ (из *a-zai-na-, *ā-zita – «покрывать, украшать, снаряжать»). Г. В. Бейли связывает с корнем *zai-, *zi- также согдийское $zywt$ (новоперсидское $zewar$) «украшение, браслет», новоперсидские $z\bar{e}b\bar{a}$ «красивый», $z\bar{e}bodan$ «подобать, украшать».

Соответственно мы первоначально переводили $\beta\alpha\gamma\alpha\lambda\alpha\gamma\gamma\omicron \zeta\iota\delta\omicron$ как «украсил храм». Однако сейчас, распознав последующий за этой фразой текст – $\alpha\mu(\omicron) \kappa[\omicron\rho\alpha\nu]\omicron$ (или $\rho[\alpha\omicron\nu\alpha\nu]\omicron$)¹² $\rho\alpha\omicron \nu\alpha\mu\alpha \kappa\iota\rho\delta\omicron$, включающий слова, известные по БСН и надписям на монетах, я склонен считать, что слово $\zeta\iota\delta\omicron\alpha$ в данном случае употреблено не в форме глагола «украсил», а в значении прилагательного «красивый». В результате все это предложение $\mu\alpha\lambda\iota\alpha \bullet \beta\alpha\gamma\alpha\lambda\alpha\gamma\gamma\omicron \zeta\iota\delta\omicron\alpha \parallel \alpha\mu(\omicron) \kappa[\omicron\rho\alpha\nu]\omicron$ (или $\rho[\alpha\omicron\nu\alpha\nu]\omicron$) $\rho\alpha\omicron \nu\alpha\mu\alpha \kappa\iota\rho\delta\omicron$ может интерпретироваться как «Здесь красивый храм имени кушанского царя (или царя царей) сделал/построил».

Следующий текст хорошо различим: $\omicron\tau\iota \alpha\nu\iota\alpha \alpha\beta\omicron \mu\alpha\lambda\iota\zeta\alpha \omicron\sigma\tau\alpha\delta\omicron$. Согласно В. А. Лившицу, перевод $\alpha\nu\iota\alpha$ как «другое» не более, чем предположение, основанное на сопоставлении с др.-иран. $anu\alpha$; возможно, что в $\alpha\nu\iota\alpha$ содержится какое-то существительное. $\mu\alpha\lambda\iota\zeta\alpha$ является орфографическим вариантом к сурхкотальскому $\mu\alpha\lambda\iota\zeta\omicron$. В. Б. Хеннинг условно переводил его как «акрополь», этимологически связывая $\mu\alpha\lambda\iota\zeta\omicron$ с др.-иран. $diz\bar{a}$ «крепость» (*hama-diza-). На основании этого можно заключить, что слово $\mu\alpha\lambda\iota\zeta\alpha$ в Айртамской надписи применено по отношению ко всей укрепленной части го-

¹² Оба варианта возможны.

родища Айртам, тогда как βαγολαγγο (упомянутое в стк. 2 надписи) – к культовому комплексу внутри нее (объект А-1). Глагол ωσταδο, выводимый из др.-иран. ava-stā, означает не только «установил», но также и «восстановил». В контексте Айртамской надписи его логичнее переводить именно в таком значении: оти ανια αβο μαλιζα ωσταδο «и другое в крепости восстановил».

Особо интересна завершающая часть 3-й строки – ••ι ζαδ(ε) •μαζιο δβαρο •••(?) . Сейчас сложно сказать точно, являются ли первые три буквы композитой с -ζαδ(ε) во второй части или передают соединительный союз оти «и». Значение ζαδ(ε) также пока неясно. Слово •μαζιο, насколько можно судить, имеет значение «изображение, образ» (подробно см. ниже). Δβαρο, по всей вероятности, означает «дверь, вход, ворота» (от авест. duuar – «дверь, ворота»; ср. -перс. dar, согд. dβr). Далее край постамента обломлен примерно на 4–5 см, где могло уместиться 4–5 букв. Вероятнее всего, здесь стоял глагол. Таким образом, заключительную часть стк. 3 можно понять как [от]ι ζαδ(ε) <ε>[ι]μαζιο¹³ δβαρο «и изображением... вход...(украшил?)».

В этой связи уместно сопоставить эти данные с тем фактом, что скульптурный блок и Айртамский фриз происходят из синхронных культурных слоев одного и того же здания, вход в которое, по-видимому, и был украшен фризом (об этом см. ниже). На этом основании не будет преувеличением предположить, что в заключительной части стк. 3 Айртамской надписи речь идет о скульптурном фризе с изображением музыкантов и гирляндоносцев.

Начало стк. 4 очень дефектное (размер поврежденного текста требует восстановления здесь примерно девяти букв), но первые три буквы видны достаточно хорошо – αλα, – возможно, орфографический вариант αλο со значением «с, вместе с» или передающее наречие «из-за».

---

¹³ См. анализ 5-й стк. надписи ниже.

Далее текст более отчетлив. Возможно несколько вариантов его чтения.

а) [ε]ιδι γαχ ϐ[αο]ρο αβα[v/γ]ο αβαβοα τιδιρο

б) [π]ιδιγα χϐ[οv]ρο αβα[v/γ]ο αβαβοα τιδιρο

в) [ε/π]ιδι γα χϐ[οv]ρο αβα[v/γ]ο αβαβοα τιδιρο

Более предпочтительным представляется первый вариант, хотя и он остается не более чем предположением. Слово γαχ, прежде не отмеченное в бактрийских надписях, вероятно, происходит от авест. gāθu и означает «место, сидение, трон» (ср. -перс. gâh – «место, положение»). В значении «место» оно до сих пор бытует в языках народов Средней Азии и Ирана, к примеру, Намазгох – (досл. «место намаза») – праздничная загородная мечеть.

Выражение αβα[v/γ]ο αβαβοα τιδιρο дословно перевести пока не удастся, но, возможно, оно несет в себе то же значение, что и αβαβγυο σταδο в БСН, т. е. «стал безводным» или «остался без воды». Таким образом, перевод средней части стк. 4 возможен следующий: «это место города стало безводным/осталось без воды». Вполне логично тогда и содержание финальной части этой строки: δβαα λιψενο κανδο... «два водоема выкопал...». Значение слова δβαα восстанавливается по этимологическому соответствию с δβο «два» (ср. авест. duua-; согд. δw', перс. do; рус. два). Ранее неизвестное в бактрийской лексике слово λιψενο происходит, вероятнее всего, от др.-греч. λιμῆν «гавань, бухта», которое может обозначать не только морские заливы, но и озера. Глагол κανδο «выкопать» зафиксирован в ряде иранских языков, в том числе и в бактрийском – в пятой строке БСН в выражении eīio sado kando «выкопал этот колодец». Очевидно, что в стк. 4 Айртамской надписи речь идет о строительстве какого-то гидротехнического сооружения, что предполагалось нами ранее.

В начале стк. 5 не сохранились примерно 9–10 букв, после – текст четкий: •••v••••• [κ/σ]ιδια αβογανδο ριζδι. Глагол ριζδι имеется в восьмой строке Рабатакской надписи: ...βαγολαγγο κιρδι σιδι β...

αβο ριζδι, переводимый Н. Симс-Уильямсом как "...sanctuary which is called B...ab". Возможно, и в этой части Айртамской надписи речь идет о том, что Ш/Родиа возвел какое-то специальное сооружение – αβογανδο. Судя по названию, это было гидротехническое сооружение, быть может, «хранилище воды». Вполне вероятно, что обе части надписи – конец стк. 4 и начало стк. 5 – взаимосвязаны друг с другом и название αβογανδο относится к двум водоемам (λιμνεα), упомянутым в 4-й стк.: δβαα λιμνεο κανδο || •••v••••• [κ/σ]δια αβογανδο ριζδι «два водоема/пруда(?) выкопал..., которые назвал Абогандо».

Вторая половина 5-й стк. начинается с союза οτι. После него достаточно уверенно читаются 10 букв, первоначально транскрибированных В. А. Лившицем как οβειμαζα[v/δι]. Я. Харматта вычленил в этом словосочетании два слова – οβει ι ιαζαδε и предложил его перевод «оба (или обоих) божеств». Однако на месте двух букв, восстановленных Я. Харматтой как ιι (две йоты) достаточно отчетливо видна одна – мю, а две последние буквы не δε, а νι. Точно интерпретировать οβειμαζα[v]ι, где -ανι является суффиксом множественного числа, не представляется пока возможным. Не исключено, однако, что оно происходит из др.-греч. ἀπεικᾶσία «воспроизведение, изображение, образ». Различия в ряде букв можно объяснить особенностями бактрийской орфографии, в которой наблюдаются локальные разновидности написания не только одних и тех же слов, но и букв (в районах левобережной и правобережной Бактрии). Интересно заметить, что то же значение имеет и др.-греч. εἰκᾶσία – «изображение, образ, подобие» или εἰκάζω – «изображать, воспроизводить». Если допустить членение οβειμαζα[v]ι на два слова οβε (или οβει) «оба»¹⁴ и ειμαζανι «изображения», то выпадение одной пары ει на стыке этих слов в результате стяжения вполне оправданно. Та же основа μαζ – в слове •μαζιο в конце 3-й стк. надписи, восстановленном мной как <ε>(ι)μαζιο. Далее в тексте содержатся два имени божеств,

¹⁴ Перевод В. А. Лившица.

с соединительным союзом ото между ними (ото – вариантная форма союза обо). Первое имя, следующее сразу после слова $\epsilon\zeta\alpha\zeta\alpha\nu\iota$, читается как $\zeta\alpha\alpha$ ($\zeta\alpha\alpha$ – одна *йота* выпала в результате стяжения). Возможно, оно отражает имя авестийского Йимы, который по велению Ахура Мазды построил первую квадратную вару – крепость, убежище. Не исключено, что Йима в силу специфики своей деятельности в Бактрии почитался как покровитель строительства городов и крепостей, подобно эллинистической богине Тихе.

Второе имя состоит из четырех букв. От первой сохранилась лишь полукруглая хаста с верхней перекладиной, что напоминает бактрийское написание буквы *ню*. Вторая буква предположительно определена как *альфа*, третья полностью уничтожена, четвертая – *омикрон*. Исходя из количества и характера начертания букв, здесь, вероятнее всего, передано имя богини Нана.

Следующее за этим именем слово $\beta\bullet\bullet\delta\circ$, возможно, передает глагол прошедшего времени, но значение его непонятно, так же как и завершающего 5-ю строку слова, от которого сохранились лишь две начальные буквы β/α . Это слово, так же как и все предложение, повествующее о последнем деянии Ш/Родиа, переходит на 6-ю строку. Однако начало ее из-за сильной потертости букв прочесть не удастся. Хорошо различимы только две буквы $\delta\circ$, возможно, от какого-то глагола прошедшего времени.

Завершает весь текст надписи заключительная формула: $\text{от}\epsilon\zeta\circ\mu\text{ир}\circ\zeta\alpha\delta\alpha\text{ в}\beta\chi\text{т}\circ\lambda\text{ид}\circ\text{и}\alpha\beta/\text{род}[u]\alpha\text{ фром}\alpha\nu\alpha$ «и это написал Мирозада (Мирзад) по приказу Шодиа/Родиа», прочитанная автором книги уже в декабре 1979 г.

В целом анализ содержания Айртамской надписи позволяет сделать несколько важных выводов:

1. Надпись датируется 4-м годом правления Хувишки.
2. Перед прибытием Ш/Родиа в городе на месте Айртама (в месяц Багаом/ниадгого, день Ормазда (год?)) произошла какая-то

катастрофа, вследствие которой здесь не только нарушилось водоснабжение, но и, по-видимому, была разрушена часть городской инфраструктуры, на что указывает широкий спектр строительных работ, произведенных в крепости (μαλιζα) этого города Ш/Родиа – от возведения храма до восстановления водоснабжения. Судя по ряду косвенных данных, этой катастрофой, скорее всего, было сильное землетрясение, о чем подробно речь пойдет ниже.

3. Храм, построенный Ш/Родиа, был не буддийским, как считалось исследователями прежде, а династийным, посвященным культу царя Хувишки.

II. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ БАКТРИЙСКОЙ НАДПИСИ ИЗ АЙРТАМА

Говоря об Айртамской надписи, нельзя не отметить ее огромного исторического значения, ибо она дает весьма важные данные, существенно меняющие прежнее представление об Айртаме и истории Бактрии – Тохаристана кушанского периода. Во-первых, содержание надписи (вкупе с другими археологическими и эпиграфическими данными) позволяет впервые говорить о мощном землетрясении, постигшем эту страну в середине II в. н. э. Во-вторых, уточняет датировку знаменитого скульптурного фриза из Айртама (прежде датированного в хронологических рамках от конца II–I вв. до н. э. до I в. н. э. включительно) – серединой II в. н. э. И, наконец, кардинально меняет научное представление о религиозной принадлежности айртамского храма как об исключительно буддийском.

Природная катастрофа в Бактрии в середине II в. н. э.

В греко-римских, а также китайских письменных источниках отсутствуют какие-либо сведения о природных катастрофах в Трансоксиане, в том числе в Бактрии. Тем не менее археологические и

эпиграфические данные, полученные в последнее время с городищ Кампыртепа, Дильберджин и Халчаян, наглядно свидетельствуют о том, что в середине II в. н. э. на территории Бактрии произошло мощное землетрясение.

Еще в первые годы археологических исследований на Кампыртепа было установлено, что оно внезапно прекратило свое существование в конце правления кушанского царя Канишки, т. е. в пору наивысшего расцвета Кушанского царства. Дальнейшие исследования показали, что внезапная гибель процветавшего здесь некогда города была связана с природным катаклизмом – разрушительным землетрясением с последующим за ним наводнением: в ряде мест на городище были обнаружены значительные по длине и ширине (5–10 см) трещины, расколовшие стены и полы помещений, а южная часть городища (порт с маяком) была полностью размыта Оксом (Амударьей) вплоть до фундамента. В этой части городища, у стен фруриона были зафиксированы слои речного песка толщиной до одного метра. Примечательно, что в сохранившемся после наводнения культурном слое, почти у дневной поверхности найдены только две монеты Кадфиза II и одна Канишки.

После этой катастрофы жители города навсегда покинули его. Лишь отдельные башни (№ 8, 10) крепостной стены Кампыртепа использовались для погребений, а некоторые участки городища – для временных жилищ, о чем свидетельствует крайне малое число находок монет Хувишки – всего четыре экземпляра¹⁵ в сравнении с находками монет его предшественника Канишки, коих в целом найдено более 100 экз.

В бактрийской надписи из Дильберджина, расположенного в 40 км к юго-западу от Кампыртепа в Северном Афганистане, датирующейся предположительно концом I – началом II в. н. э., также имеется прямое свидетельство произошедшего здесь в кушанское

¹⁵ Две монеты найдены в погребении в башне и две, в том числе с изображением Будды, на

время землетрясения. На одном из ее фрагментов сказано: ...ТАΔΙ ΜΑΝΟ ΝΙΝΔΙΡΑΤΟ Α(С)ΙΔΙ ΙΘΑ ΑΓΔΙΝΔΙ (Ф)ΡΗ «Затем здание осело, поэтому колонны рухнули» (пер. В. А. Лившица). С землетрясением связано и разрушение дворца/храма и украшавшей его скульптуры в Халчаяне, находящемся в 120 км к северо-востоку от Кампыртепа, во II в. н. э., что было установлено археологическими раскопками.

Очевидно, таким образом, что это землетрясение было явлением не узколокальным, а охватившим, возможно, всю Северную и Южную Бактрию, ибо следы его зафиксированы в разных местах этой страны. Если же связать эти данные с археологическими свидетельствами о запустении самого раннего монументального сооружения на городище Айртам (здание А-1 первого периода), помянуя при этом о содержании Айртамской надписи, можно с большой долей вероятности говорить, что это землетрясение постигло и Айртам.

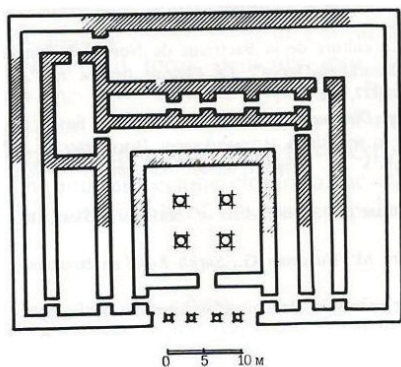
Культовый комплекс и его религиозная принадлежность

Выше уже отмечалось, что каменный блок с горельефами и скульптурный фриз были найдены в одном и том же здании А-1. Археолого-стратиграфическими исследованиями выявлено два исторических периода его функционирования.

Первый период. Начало этого периода Г. А. Пугаченкова относил ко второй половине II в. до н. э. По ее мнению, в это время здесь на материковом грунте было возведено крупное здание из пахсовых блоков, представлявшее собой либо оборонный форпост для охраны речной переправы (согласно первому заключению Г. А. Пугаченковой), либо, что более вероятно, храм Окса (согласно последнему ее предположению, высказанному многие годы спустя). Предполагается, однако, что здание не было завершено строительством и даже

территории бывшего фруриона.

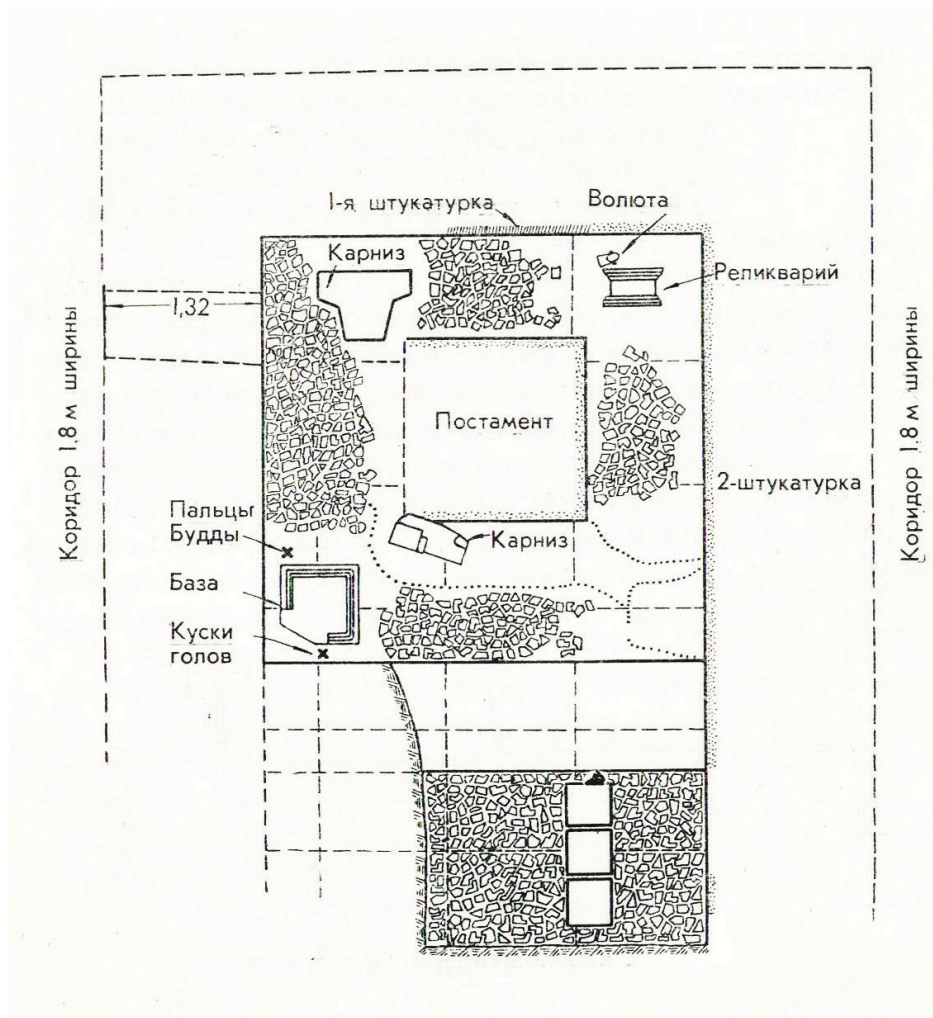
План здания А-1 первого периода (по Г. А. Пугаченковой).

не функционировало, поскольку на его полах отсутствовал культурный слой (хотя, заметим, отсутствие такого может быть обусловлено и тем, что здание подвергалось очистке при восстановительных работах, проводимых здесь Ш/Родиа во второй период). Основанием же для датировки здания финальным этапом греко-бактрийского времени послужили находка монеты-подражания чекану Гелиокла в слое заполнения одного из его помещений и ряд косвенных соображений и аналогий. Обоснованность такой датировки была подвергнута сомнению еще Б. Я. Стависким.

Отметим, что за все годы исследований на городище Айртам культурных слоев греко-бактрийского времени не выявлено, как не найдено ни одной греко-бактрийской монеты. Самые ранние монеты, обнаруженные здесь, – подражания Гелиоклу юечжийского чекана и монеты Сотера Мегаса, обращавшиеся и в I в. н. э. Вероятнее всего, здание первого периода следует датировать временем Сотера Мегаса (Вимы Такто), при котором кушанам удалось завоевать правобережную Бактрию вплоть до Гиссарского хребта и Железных ворот. Время же его запустения, как я полагаю, вследствие сильного землетрясения, относится к середине II в. н. э.

Второй период (середина – вторая половина II в. н. э.). По мнению Г. А. Пугаченковой, руины здания А-1 первого периода были сnivelированы и преобразованы в платформу для нового монументального здания, трактуемого исследователями как буддийский монастырь. Однако, как сейчас становится очевидным, данная трактовка необоснованна. Для достоверной интерпретации здания

второго периода прежде необходимо напомнить историю формирования мнения ученых о буддийской принадлежности как самого ай-рамского фриз, так и всего комплекса в целом.

План святилища (по М. Е. Массону).

В своей первой публикации о первой найденной плите (с изображением трех музыкантов) М. Е. Массон весьма осторожно отнес-

*Раскопки святилища 1933 г.
(по Г. А. Пугаченковой)*

ся к ее интерпретации: «Тяжеловесный массивный карниз мог быть рассчитан только на солидное и прочное сооружение. Им должно быть был буддийский ступа... или памятник, поставленный в честь какого-нибудь значительного события». Собственно буддийской эту плиту впервые признал С. Ф. Ольденбург, указавший в частной беседе с М. Е. Массоном, что человеческие фигуры с музыкальными инструментами в руках должны были служить изображениями трех из «панча махашабда».

В 1933 г. в юго-западной части Айртама (объект А-1) М. Е. Массон заложил два небольших раскопа. В первом из них, на самом краю прибрежного обрыва, на глубине около 2 м было обнаружено основание пилона из пахсы, облицованного каменными плитами,

а немного к востоку от него – семь скульптурных плит фриза. Во втором раскопе, расположенном несколько севернее первого и доведенном до той же глубины, было вскрыто небольшое помещение (3,40×3,40 м), в центре которого находился квадратный (1,5×1,5 м) кирпичный оштукатуренный постамент. Вышеозначенные семь плит фриза были найдены перед входом в это помещение. В северо-восточном углу помещения обнаружен каменный буддийский реликварий, а в юго-западном – фрагменты раскрашенных алебастровых статуй Будды и бодхисатв, по мнению М. Е. Массона, прежде располагавшихся на постаменте. По сделанным находкам М.Е. Массон считал вскрытое им помещение святилищем, а все здание, частью которого оно являлось, предварительно определил как буддийский монастырь или дворец правителя с культовым помещением, датировав его I в. н. э. Впоследствии раскопками УзИскЭ было установлено, что здание со святилищем являлось храмом. Г. А. Пугаченкова трактовала его как буддийский, хотя при этом же отмечала, что его планировка была характерна для зороастрийских храмов.

Отметим, однако, что при последующих раскопках на Айртаме больше никаких буддийских артефактов обнаружено не было. Отсутствуют также находки буддийских терракот и надписей брахми и кхароштли, находки которых на других буддийских монастырях, расположенных поблизости, – Каратапа, Фаязтепа, исчисляются сотнями экземпляров.

Судя же по содержанию бактрийской надписи из Айртама, данный храм был посвящен династийному культу царя Хувишки (см. стк. 2 и 3: «Ш/Родиа... красивый храм имени кушанского царя (или имени царя царей) сделал/построил»), в котором ведущую роль играл зороастризм в его бактрийском варианте. Примечательно также, что в надписи употреблены только древнеиранские и авестийские термины – βαγαλαγγο, μαλιζα, ορμιζδοογα и т. п., а слова буддийской терминологии, даже такие, казалось бы, ожидаемые в ней, как

Айртамский фриз.

Будда, вихара, сангарамы, ступы, напротив, вовсе отсутствуют. Более того, как говорилось выше, все плиты фриза (в общей сложности 8 блоков), за исключением одной, были обнаружены М. Е. Массоном перед или, точнее сказать, в направлении ко входу в святилище. Поэтому рядом исследователей считалось, что именно этот вход был украшен фризом. Однако учитывая размеры святилища – 3,40×3,40 м, весьма сомнительно, чтобы вход в него был оформлен столь парадно-торжественным тяжеловесным фризом. Очевидно, что Айртамский фриз украшал центральный вход в храм – βαγαλαγγο, который, скорее всего, находился непосредственно перед святилищем. В связи с этим представляется сомнительным, чтобы главный вход в династийный храм украшал фриз, отражающий буддийскую концепцию, а не более уместную в этом случае сцену светско-церемониального характера. Отметим, что уже К. В. Тревер выражала сомнения в обоснованности буддийской интерпретации фриза: «...как будто налицо панча-махашабда». Она же указала пример изображения музыкантов в сценах светского характера, в частности, рельефы на восточных воротах Санчи «где изображены семь музыкантов царского оркестра».

Вместе с тем Г. А. Пугаченкова особо подчеркивала, что все музыкантши, изображенные на фризе, имеют бактрийский тип лица. Терракотовые фигурки музыкантов с различными музыкальными инструментами, в том числе аналогичными изображенным на фризе, нередко встречаются на городищах Бактрии – Тохаристана кушанского времени, что красноречиво свидетельствует об огром-

ной роли музыкальной культуры в повседневной жизни населения Бактрии. Поэтому можно полагать, что в этой стране существовали целые музыкальные ансамбли, призванные играть на различного рода светских и культовых церемониях. Подобный ансамбль, по-видимому, был представлен в стенной росписи, украшавшей дворец Хорезмшахов в Топрак-кала, с изящным изображением арфистки, весьма схожей с фигурой арфистки на Айртамском фризе.

Приведенные выше данные не оставляют сомнения в том, что здание второго периода было не буддийским, а династийным храмом, прославлявшим культ царя Хувишки, в котором буддизм занимал свое отнюдь не первое место, тогда как главная роль принадлежала зороастризму (так же, как и в Рабатаке). Изображения на Айртамском фризе, украшавшем центральный вход в этот храм, отражали не буддийскую концепцию панча-махашабда, а династийную, связанную с церемониальными торжествами. Того же характера и скульптурные изображения на каменном блоке с бактрийской монументальной надписью.

Изображения на скульптурном блоке

В 1981 г. П. Бернар издал статью, посвященную интерпретации двух горельефных фигур, изображенных на блоке. По его мнению, мужской персонаж представлял Шива, а женский – Умма Парвати, но это мнение было убедительно опровергнуто Г. А. Пугаченковой. Впрочем, ее трактовка этих фигур не менее спорна: она считала, что это упоминаемый в надписи Шодиа и его жена. Я. Харматта интерпретировал фигуры как Фарро и Ордохшо, апеллируя тем, что их имена якобы написаны в середине стк. 1 Айртамской надписи. Однако и с такой интерпретацией, как справедливо заметил Р. Фрай, едва ли можно согласиться (не говоря уже о чтении Я. Харматты).

В действительности же имена персонажей, венчающих скульптурный блок, имеются в заключительной части стк. 5 и с большим трудом поддаются чтению: <1>цa[α] ото (va)[v]o – «Йима и Нана».

Йима Хшаита – известный персонаж Авесты, первый правитель, который по велению Ахура Мазды построил квадратную вару длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам (Вендидат, II, 33–38). Скульптурные изображения авестийского Йимы неизвестны, но это не значит, что таковых не было.

Примечательной особенностью изображенного на Айртамском блоке мужского персонажа являются обнаженные до колен босые ноги. В таком виде не изображался ни один из богов кушанского пантеона (ни на монетах, ни в скульптуре), что не характерно также и для изображений правителей и донаторов. Пожалуй, только индуистские божества, к примеру Яма (Yama), изображались с обнаженными босыми ногами. Обращает на себя внимание одно место в Авесте, где сказано, что при строительстве вары «Йима сделал так, как ему велел Ахура Мазда: месил он глину ногами, разделял на куски руками...» (пер. В. А. Лившица). Хорошо известно, что в Средней Азии глину, предназначенную для изготовления пахсы и сырцового кирпича, месили только мужчины и непременно босыми ногами, закатав штаны чуть выше колен.

Женский же персонаж на скульптурном блоке из Айр-тама, судя по надписи, – богиня Нана, которая играла доминирующую роль в кушанском пантеоне божеств. В надписи из Рабатака содержатся важные сведения о религиозной политике царя Канишки I. Главенствующая роль в ней принадлежала переднеазиатско-месопотамской богине Нане, поклонение которой у юэчжей-кушан зафиксировано уже на монетах Сападбиза. Вместе с тем на монетах первых кушанских царей Куджулы Кадфиза, Вимы I Такто и Вимы II Кадфиза ее изображение отсутствует.

Зато оно широко представлено на монетах Канишки I и особенно Хувишки. Согласно надписи из Рабатака, Канишка получил царскую власть от богини Наны. В приведенном же в этой надписи перечне богов (стк. 9 и 10) первой упоминается опять-таки Нана. О ее ведущем положении в пантеоне признанных кушанских божеств свидетельствуют и монеты Хувишки, на которых царь представлен преклонившим колени перед Наной.

Храм, посвященный богине Нане, с настенной живописью раскопан нами в северной части Дальверзинтепа. Основной сюжет, представленный на ней, – подношение младенцев богине Нане, восседающей на зооморфном троне, жрецом (жрецами), держащим в воздетых над головой руках младенца. Большой материал, свидетельствующий о главенствующей роли Наны в кушанском пантеоне богов в Бактрии, собран в статье Д. Поттс.

То, что в декоре династийного храма Айртама одновременно представлены как зороастрийские, так и буддийские и светские персонажи, не вызывает удивления, поскольку такой симбиоз – не редкое явление для храмов в Бактрии кушанского времени. В качестве примера сошлемся на загородный буддийский храм на Дальверзинтепа. Центральное место в нем занимает величественная статуя светского персонажа (кушанского принца, по Г. А. Пугаченковой, или царя Васудевы, по моему мнению) более чем в человеческий рост, от которой сохранилась голова в высокой конической тиаре, украшенной золотыми, по-видимому, бляшками, – подлинный шедевр кушанского искусства. Наряду с этим в храме установлены статуи деватов и гениев. В буддийском монастыре в черте города на Дальверзинтепа найдены фрагменты керамики с бактрийскими надписями, в которых указаны имена зороастрийских божеств Фарро и Мао.

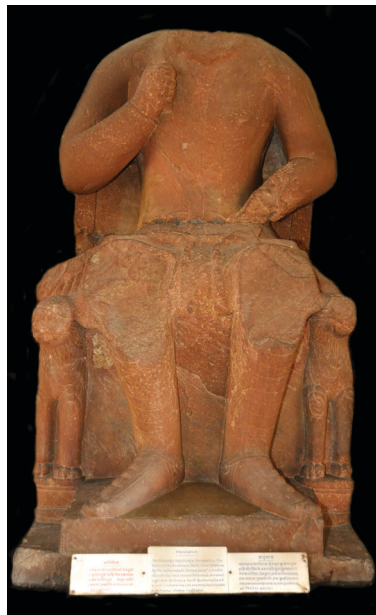
Подводя итог всему вышесказанному, еще раз подчеркнем – храм на Айртаме не являлся буддийским, что подтверждается его

архитектурно-планировочными особенностями, крайне скудными находками буддийского характера, отсутствием буддийских персонажей среди фигур, изображенных на большом айртамском фризе, украшавшем главный вход храма, полным отсутствием буддийских терминов в Айртамской надписи, сообщающей, в частности, о возведении этого самого храма.

Глава 5.

ЗАВОЕВАНИЕ КУШАНАМИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ И СЕВЕРНОЙ ИНДИИ

При каком же из кушанских царей произошло объединение Бактрии и Северной Индии в единое государство? Ответ на этот вопрос, прежде далеко не ясный, дают бактрийская надпись из Рабатака, исследованная Н. Симс-Уильямсом и Дж. Криббом, и нумизматические данные. В этой надписи было выявлено наличие неизвестного ранее науке имени царя Вимы Так(то), что внесло существенные коррективы в историю создания великого царства Кушанидов. Дж. Криббом имя этого царя было выявлено также в эпиграфических памятниках и в монетных легендах. Так, он установил наличие в надписи кхароштки на знаменитой скульптуре сидящего царя из Матхуры имени Вима, которое он отождествил с именем Вима Такто надписи из Рабатака. Согласно Дж. Криббу, имя именно этого царя, а не Вимы Кадфиза, как считалось пре-

*Царь Вима Такто.
Статуя из Матхуры.*

жде, наличествует в бактрийской надписи из Дашт-и Навура (Кабулистан).

Дж. Крибб впервые определил также три группы бронзовых монет, принадлежавших Виме Такто. Первая группа – монеты с изображением быка и верблюда (в легенде их имеется имя Вима, в связи с чем их раннее приписывали Виме Кадфизу). Эти монеты известны в двух метрологических параметрах: мелкие – весом 4 г с надписью кхароштхи и большие – весом около 10 г, также с надписью кхароштхи, в которой Дж. Крибб прочитал имя Вимы Такто – Maharayasa rayatirayasa devaputrasa Vema Tak(to).

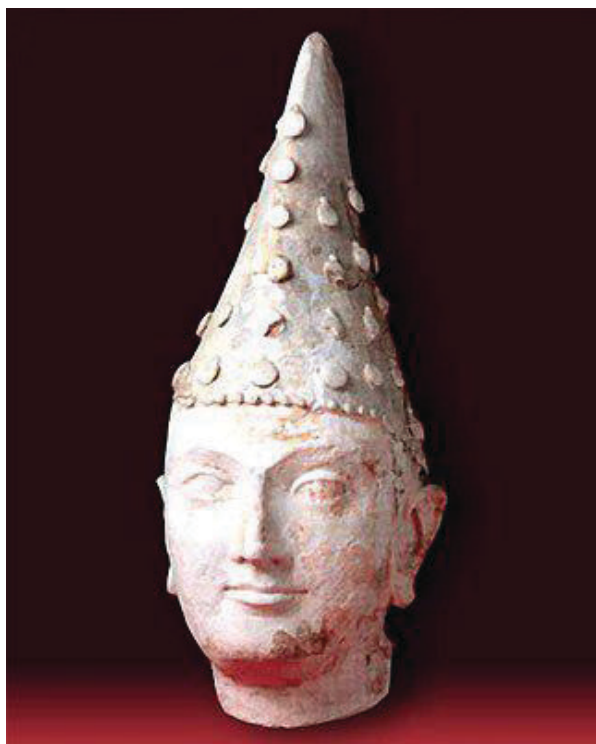
Вторая группа представлена двумя монетами Сотера Мегаса, имеющими в конце легенды на кхароштхи имя Вимы Такто (ООНМО ТАКТ[.]). Третья группа представлена единственной монетой, опубликованной в 1898 г. В. Смитом и тогда еще не понятой. На ее аверсе изображен сидящий царь в сопровождении символов, аналогичных символам на монетах Сотера Мегаса, и с бактрийской легендой, читаемой сейчас Дж. Криббом как ООНМО ТАК[...], т. е. Вима Такто.

Что касается самих монет Сотера Мегаса – безымянного царя, приписываемых до сих Куджуле Кадфизу или Виме Кадфизу, то Дж. Крибб относится к их идентификации с некоторой долей сдержанности. По его мнению, связь монет Сотера Мегаса с Вимой Кадфизом не обоснована, полагая, что их начали чеканить в конце правления Куджулы Кадфиза и продолжали при Виме Такто.

*Царь Канишика.
Статуя из Матхуры.*

Однако в свете ряда данных, мне представляется, что эмиссия монет Сотера Мегаса принадлежит целиком Виме Такто. Хорошо известно, что все кушанские цари осуществляли массовые выпуски монет, особенно бронзовых. Поэтому мало вероятно, что один из великих создателей Кушанского царства – Вима Такто почти не имел собственного именного чекана монет, за исключением той немногочисленной группы, о которой сказано выше.

Скульптурное изображение кушанского царя Васудевы. Дальверзинтена.

Монеты Сотера Мегаса – первые массовые кушанские монеты, обращавшиеся по всей территории Северной Бактрии, где количество их находок исчисляется тысячами экземпляров. В то же время монеты Куджулы Кадфиза здесь единичны. Согласно китайским письменным источникам, первому кушанскому царю Qiu-jiu-gue (что передает в китайской транскрипции имя Куджулы Кадфиза) наследовал его сын Yen-gao-zhen завоевавший Индию, в котором все прежние исследователи видели Виму Кадфиза, на чем и строилась ранее последовательность правления кушанских царей. Однако данные бактрийской надписи из Рабатака убедительно свидетельствует, что Yen-gao-zhen – это Вима I Такто и именно он завоевал Индию,

во всяком случае до Матхуры, знаменитое святилище которой, согласно Дж. Криббу, возведено Вимой I Такто. Таким образом, есть основание считать, что монеты безымянного царя Сотера Мегаса принадлежали не Виме II Кадфизу, а Виме I Такто.

При нем, в частности, были завоеваны Северная и часть Центральной Индии, а также вся Северная Бактрия вплоть до Гиссарского хребта (судя по массовым находкам здесь монет Сотера Мегаса).

Глава 6.

СЕВЕРНАЯ ГРАНИЦА КУШАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Вопрос о границах Кушанского государства к северу от Окса неоднократно рассматривался в исторической науке. Отсутствие на этот счет конкретных указаний письменных источников породило разнообразие мнений, вкратце сводящихся к следующему:

1. Первоначальный центр кушанского государства находился в одном из районов Согда – Мианкале, где якобы находился город Кушания. Последующие завоевания кушан осуществлялись в южном направлении.

2. Родина кушанского государства – правобережная Бактрия, откуда кушанами были начаты завоевания северных областей Средней Азии: Согда, Чача и Хорезма.

3. Северная граница Кушанского государства проходила по Гиссарскому хребту: территория к югу от него, принадлежала Кушанскому государству, территория к северу находилась в подчинении Кангюя.

Первое мнение, восходящее к В. Томашеку и широко бытующее в обобщающих исторических исследованиях 1940–1950-х гг., было впоследствии убедительно опровергнуто.

М. Е. Массоном, а затем и Е. В. Зеймалем уже давно убедительно доказано, что северная граница Кушанского государства проходила по Гиссарскому хребту. Тем не менее, во многих работах бы-

Кушанская империя (по Дж. Розенфилду)

Условные обозначения:

↓	переправы	⊙	столичные города	✕	крепости у переправ
x	перевалы	○	центры историко-культурных областей	⊠	приграничные крепости
— —	дороги	●	центры ирригационных районов	⌋	железные ворота
— — —	граница			— — —	оборонительные стены

Северо-западная граница Кушанского государства (по Э. В. Ртвеладзе).

товали и бытуют до сих пор неверные представления о северных рубежах этого государства и даже приводятся карты, на которых владения Кушан охватывают большую часть Среднеазиатского Двуречья, в том числе и Хорезм.

Археологические и нумизматические данные позволяют сейчас установить конкретное местоположение северо-западной границы Кушанского государства, проходившей по Западному Гиссару

– горной системе, отделяющей два земледельческие оазиса – Сурхандарьинский и Кашкадарьинский. У кишлака Дарбанд, к востоку от Железных ворот находится мощная оборонительная стена из квадратного сырцового кирпича и бутового камня, протяженностью 1,5 км и шириной 6–6,5 м, укрепленная в ряде мест башнями, а с юга – крепостью. Эта стена полностью перегорождала долину р. Шуроб между хребтами Сарымас и Сусизтаг, по которой проходила основная древняя дорога, соединяющая северные и центральные области Средней Азии с Бактрией – Тохаристаном и Индией. Оборонительными стенами были перегорожены также второстепенные дороги, идущие по ущельям Узундара около Сайроба, Танги-Дувал у Панджоба и Хатака, хотя эти дороги труднопроходимые и непригодные для прохождения больших воинских соединений. Мощная стена из рваного камня протяженностью 5 км и шириной 3 м перегораживала горное ущелье у кишлака Сина.

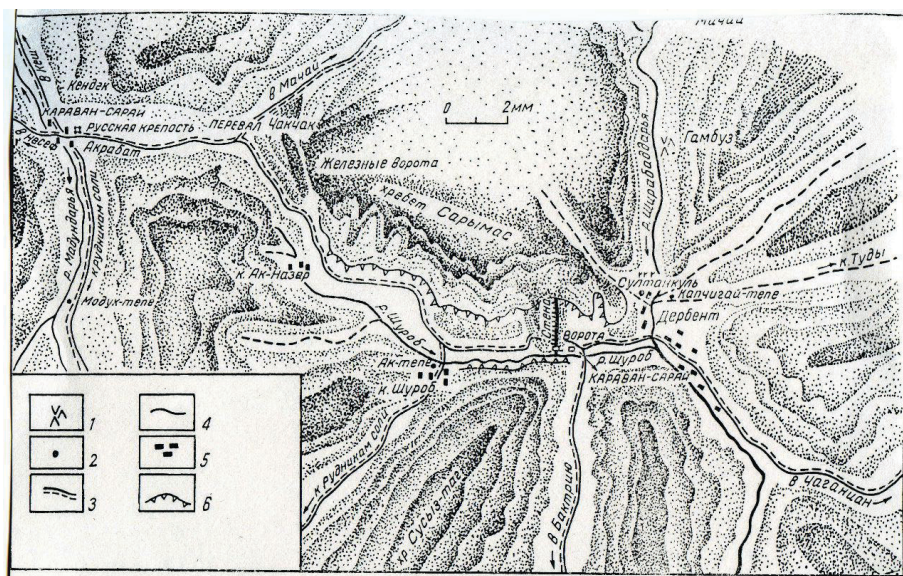

Схема расположения археологических памятников в районе Дербента.

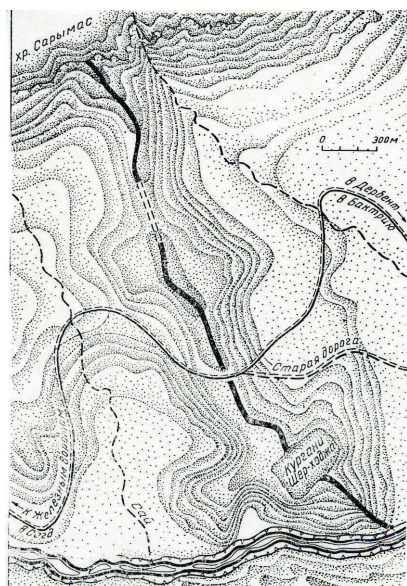
- 1 - металлургическое производство; 2 - тепа; 3 - дороги; 4 - река;
5 - населенный пункт; 6 - скальный обрыв.

Время возведения всей стены было датировано мною кушанским временем. Более того, я считал, что она была возведена, вероятнее всего, во время правления Вимы Такто, при котором кушанами была завоевана Северная Бактрия. Вместе с тем существует и иное мнение о том, что часть данной стены у кишлака Дарбанд возведена в эллинистическое время, в III–II вв. до н. э. Сторонники этого мнения основываются на данных раскопок, полученных только в центральной ее части, тогда как северная часть этой стены была выстроена из кирпичей $32 \times 32 \times 12$ см, $33 \times 33 \times 10$ – 12 см, характерного для I–II вв. н. э., а не для эллинистического времени.

В данный период, вероятнее всего, в конце III–II в. до н. э. здесь существовала, по-видимому, сильно укрепленная крепость типа греческого фруриона, тогда как при ранних кушанах была возведена стена, обозначающая границу между Кушанским государством и согдийскими владениями, входившими в состав конфедеративного Кангюйского государства.

В связи с этим представляется некорректным мнение Б. Я. Ставиского о том, что Дарбандская стена принадлежала к типу так называемых длинных стен, возводимых вокруг некоторых оазисов, и не означала границу Кушанского государства.

Однако это была именно граница, так как помимо наличия самой стены данное положение доказывают монеты, битые во влады-

План кушанской пограничной стены у кишлака Дербент.

ниях, расположенных к северу от Гиссарского хребта. Так, в Южном Согде (т. е. современной Кашкадарьинской области, непосредственно с юго-востока граничащей с Дарбандской стеной), с II–I вв. до н. э. и вплоть до III в. н. э. чеканились серебряные монеты Артата с изображением Геракла и Зевса, в Самаркандском Согде – серебряные монеты Аштама, с изображением лучника, на юго-востоке – в Бухаре и западе Центрального Согда – монеты Гиркода. Чеканившие эти монеты правители, судя по отсутствию кангюйской тамги, принадлежали к Дому Чжаову, т. е. юечжам, правившим в Согде преемственно, начиная с II–I в. до н. э. и вплоть до VIII в. н. э. В то же время в Бухарском Согде, Хорезме и в районах по Сырдарье во II–I вв. до н. э. чеканились медные и серебряные монеты с типично кангюйской тамгой.

Таким образом, центральные и северные области Среднеазиатского Двуречья были разделены на отдельные владения, управляемые правителями кангюйского и юечжийского происхождения. Эти владения стали непреодолимой преградой для кушан на севере.

Нет никаких свидетельств кушанской государственной доминанты в Среднеазиатском Двуречье или вассальной зависимости владений Согда и Хорезма от Кушанской державы. Это были самостоятельные владения, входившие в состав Кангюйского конфедеративного объединения на каких-то особых правах. К тому же, кушанские монеты встречаются здесь весьма редко, а кушанская монетная система базировалась на меди и золоте, тогда как во владениях Среднеазиатского Двуречья она базировалась на серебре или на серебре и меди, что также ясно свидетельствует о разных государственных объединениях, т. к. в пределах одного государства, как правило, была принята единая денежная система.

Здесь на протяжении восьми столетий правили династии, правители которых имели арамейский титул MR'Y MLK' – «государь-царь», весьма отличавшийся от титулов, принятых у кушан.

Таким образом, в Среднеазиатском Двуречье только Северная Бактрия являлась частью Кушанского государства.

Глава 7.

СЕВЕРНАЯ БАКТРИЯ В СОСТАВЕ КУШАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Северная Бактрия входила в состав Кушанского государства на всем протяжении его существования, о чем убедительно свидетельствуют нумизматические данные. Здесь найдены монеты кушанских царей: Сотера Мегаса (Вимы Такто), Кадфиза II, Канишки I, Хувишки, Васудевы I, Канишки II (III).

Е. В. Зеймаль, основываясь на, якобы, малочисленных находках монет Хувишки, особенно периода «А» с тамгой Канишки, в Северной Бактрии полагает, что эта область была утрачена кушанами во второй период правления Хувишки в результате каких-то военно-политических событий. Затем наступает «этап отпадения», приходящийся якобы на 50–90-е годы «эры Канишки», нумизматически обеспеченный подражаниями монетам Хувишки, а после этого – «этап первой сасанидской оккупации» и спустя немного лет – «этап повторной сасанидской оккупации».

Данная периодизация не представляется убедительной: монеты Хувишки совсем не малочисленны – в северо-западной части Бактрии, по нашим данным, их найдено около 40 экз. отдельными находками и клад из 37 динаров; в северо-восточной части этой области зафиксировано 32 экз. Следовательно, всего около 70 экз. отдельными находками и более 100 экз. с учетом клада, т. е. в более или менее равном пропорциональном соотношении с монетами других кушанских царей. Не подтверждают эту периодизацию и монетные клады, в которых фиксируется четкая поэтапная последовательность монет кушанских царей без ка-

Эти данные, а также якобы разные ареалы распространения монет Васудевы и Канишки III послужили основой для распространения преимущественно среди зарубежных ученых мнения о разделе Кушанского государства на две части: «западную» и «восточную» или «северную» и «южную». Дж. Розенфилд, к примеру, относил монеты Канишки III к южным областям на основании того, что об. ст. этих монет была перенесена затем на монеты династий Гупта, а монеты Васудевы «к северным» областям, поскольку об. ст. их была унаследована сасанидскими кушаншахами. Он ссылается также на мнение А. Каннингэм о преимущественном распространении монет Канишки III в Северо-Западной Индии, а монет Васудевы – в долине Кабула.

Я. Харматта свое мнение о разделе Кушанского государства на две части также обосновывал якобы разным ареалом находок монет Канишки III и Васудевы.

Е. В. Зеймаль вначале отрицал данную гипотезу, но позднее он полагал определенно неясным вопрос о подчинении Северной Бактрии Кушанам в правление Васудевы и Канишки III. Он считал, что монеты этих царей проникают сюда значительно позднее времени их выпуска, в период между гипотетическими двумя сасанидскими оккупациями в 20–40-е годы V в. Однако это мнение априорно, поскольку в кладах монеты Васудевы и Канишки III почти не встречаются с монетами сасанидских кушаншахов, а в стратиграфическом отношении вслед за монетами Хувишки следуют монеты Васудевы и Канишки III, но не монеты сасанидских кушаншахов.

Монеты Васудевы и Канишки III в большом количестве повсеместно представлены в Северной Бактрии в кладах и отдельными находками.

Таким образом, археологические и нумизматические данные не фиксируют каких-либо перерывов в подчинении Северной Бактрии

Кушанам и не подтверждают мнение о разделе Кушанского государства на две части в правление Васудевы и Канишки III.

И, наконец, подражания кушанским монетам Васудевы и Канишки III сочетаются с сасанидской драхмой Шапура I (241–272 гг.). Это показывает, что по крайней мере в третьей четверти III в. н. э. монеты последних великих кушанских царей Васудевы и Канишки III уже не чеканились, но появляются их подражания. К тому же отметим, что выпуск подражаний начался ранее, чем монеты Васудевы и Канишки III выпали из обращения, соответственно и верхний хронологический рубеж существования Кушанского государства приходится на время более раннее, чем третья четверть III в. н. э. и первый год правления Шапура I – 241 г.

В хронике династии Вэй сообщается о прибытии к китайскому двору в январе 230 г. н. э. посольства с дарами от царя да-юечжи Бо-дю-Васудевы. Если исходить из нашего положения о том, что был только один последний кушанский царь по имени

Каратена.

Васудева, тождественный Канишке III, то время падения государства Великих Кушан, учитывая нумизматические данные, приходится, вероятнее всего, на первую половину III в. н. э.

Во все периоды существования Кушанского государства Северная Бактрия являлась одной из важнейших его составных частей. Ее значение в государстве определялось экономическим потенциалом, но прежде всего ролью пограничной области, прикрывающей государство с северо-запада.

Анализ комплекса данных показывает, что на территории этой области была создана централизованная система обороны, рассчитанная, в первую очередь, на противодействие внешнему врагу. Она включала три пояса оборонительных сооружений:

1. Пограничные оборонительные стены с крепостями, обозначавшие и защищавшие государственную границу (Дарбанд).
2. Государственные крепости на дорогах, выходящих из горных ущелий. Эти крепости, зачастую находившиеся в голове каналов, выполняли также функции надзора за распределением воды и, вероятно, таможенные функции (Кафыр-кала, Сар-и Банд, Тарагайтепа, Коштепа).

Фаязтепа.

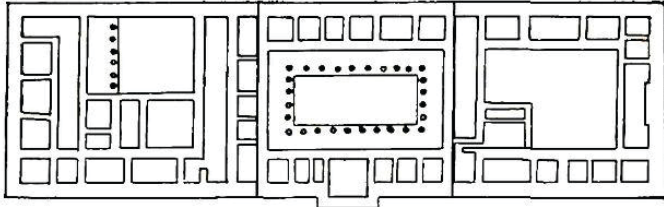
Фаязтепа.

3. Государственные крепости, контролировавшие переправы через Окс (Кампыртепа, Термез).

Не исключено, что в Северной Бактрии имелись районные стены вокруг важнейших оазисов, подобно окружной стене Балхского оазиса.

Не случайным в этой связи представляется наличие сильно укрепленных городков-крепостей, которые создавались здесь, вероятно, с учетом возможных вторжений.

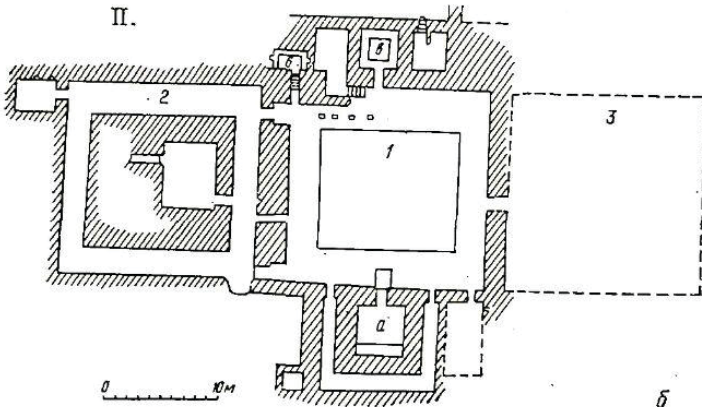
По мнению А. П. Франфора, со II в. до н. э. до III в. н. э. в Бактрии, также как и в других областях Средней Азии, за исключением Хорезма, происходит возврат к старым доэллинистическим традициям фортификации: опять появляются внутрискладчатые коридоры, возрождаются и полукруглые башни. Это обстоятельство он связывает с решающей ролью в военных действиях конных и рукопашных сражений на театре

0 10М

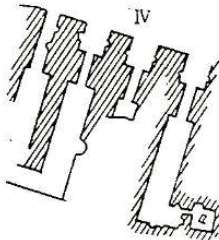
а

II.

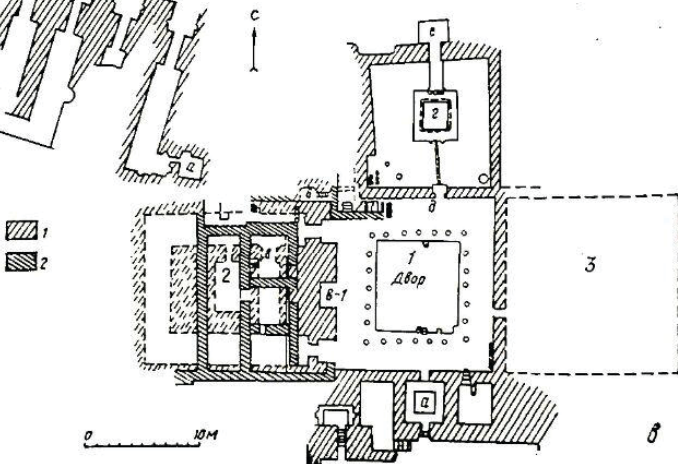

0 10М

б

III.

0 10М

в

Фаязтепа.

кушанских и парфянских военных действий, что привело к отказу от сложных глинобитных массивов стен и башен, поскольку кавалерийские атаки и действия пехоты стали основным методом осады городов.

В. М. Массон, на основании, якобы слабого развития протейхизмы и небольшой толщины внешних стен, также считает, что северобактрийская фортификация была рассчитана в первую очередь на оборону от пеших и конных контингентов. Однако это не так. Мощные протейхизмы выявлены в основании стен Будрача, Дальверзина, толщина которых достигает 10, 7–9, 8 и 5 м соответственно. Укрепления кушанских городов и крепостей Северной Бактрии предназначались как для противодействия стенобитным машинам (наличие протейхизмы, большая толщина стен, передняя стенка становится, в отличие от ранних периодов, значительно шире), так и атакам кавалеристов и пехоты (множество бойниц в стенах и башнях, обеспечивающих фронтальный и радиальный обстрел местности). С учетом возросшего уровня военного дела и развития осадной техники в кушанское время были созданы соединяющие бактрийские и эллинистические приемы различные фортификационные системы.

Количественное разнообразие оборонительных сооружений, выявленных на изучаемой территории, свидетельствует о том, что Кушанам больше приходилось опасаться военных вторжений с севера, нежели самим осуществлять экспансию в данном направлении. Именно поэтому ее обороне придавалось столь большое значение.

Остается неопределенным вопрос о том, на каких правах Северо-Западная Бактрия входила в состав Кушанского государства, но не исключено, учитывая ее важное стратегическое значение, что она представляла собой особую административную единицу типа пограничной области – марки.

В надписях из Сурх-Котала зафиксировано имя Ноконзок с бактрийским титулом *каралрагго* – «наместник; начальник погра-

ничной области – маркграф», а в надписи из Рабатака – *каралранг* Шафар.

В бактрийской надписи из Айртама упоминается некий Шодийа или Родийа, который, возможно, как и Ноконзок и Шафар, был представителем высшей кушанской администрации, маркграфом – каралрангом Северо-Западной Бактрии.

Внутри нее могли быть и отдельные крупные административные единицы, управляемые представителями кушанской администрации или даже наследственными династиями из побочных ветвей правящего кушанского рода. В частности, в Халчаяне выявлен дворец правителей, позже превращенный в династийный храм, посвященный прославлению кушанских династий Чаганиана или кушанского царского рода. Согласно Г. А. Пугаченковой, скульптура из буддийского святилища на Дальверзинтепа изображает представителей, принадлежавших к единому клану Кушан, к той или иной ветви царствующего дома. Здесь же имеются изображения персонажей, возможно, из числа правителей городов и более мелких административных единиц.

*Статуя вельможи.
Дальверзинтепа.*

По данным археологической географии в Северо-Западной Бактрии выявлено наличие нескольких микро- и макросистем. Эти системы отображают не только географический принцип размещения, но также государственную политику административного членения. В каждой из них находились центральные сильно укрепленные городки и города, бывшие, возможно, местопребыванием военного гарнизона и специального правительственного чиновника, ведавшего сбором налогов и осуществлявшего фискальный надзор.

Вместе с тем ряд существовавших на территории области населенных пунктов выполняли роль своего рода государственных религиозных центров, находившихся под покровительством кушанских царей, в частности, буддийский монастырь Каратепа в Тармите, носивший название «царской вихары» – *Khadevaka vikara*.

Глава 8.

КРУШЕНИЕ КУШАНСКОГО ЦАРСТВА. ЗАВОЕВАНИЕ САСАНИДОВ

Разгром парфян на равнине Ормиздакан, в 227 г. н. э. означал приход к власти в Иране новой династии – Сасанидов. В отличие от парфян, которые расширили свое государство за счет завоевательных походов на запад и юг, Сасаниды обратили свое внимание на восток. К этому времени могущественного прежде Кушанского царства уже не существовало и для Сасанидов не было здесь столь грозного противника, как у парфян.

Завоевания Сасанидов на Востоке и, в частности, в Средней Азии начались при Шапуре I (241–272 гг.). В надписи Шапура I на «Каабе Зороастра» (SKZ) утверждается: «... я господин Ираншахра и владею следующими шахрами:¹⁶ ...Кушаншахр вплоть до Пашки-

¹⁶ Из всех многочисленных стран, перечисленных в этой надписи здесь приведены только страны

бура, и дальше – до Каша (Кеша), Согда и (гор) Шаша... И все эти многие царства (их) владетели и управители (провинций) – все [они] стали (приносящими) нам дань и подчиняющимися».

Если подчинение Сасанидами Кушаншахра при Шапуре I сейчас доказывается наскальными рельефами из Кабулистана, документами из архива правителей Роба, а также стратиграфией монетных находок, то в отношении Кеша и Чача такими данными наука не располагает. Напротив, как показывают нумизматические данные, в Чаче как раз в это время приходит к власти достаточно сильная династия, первыми правителями которой были Ванун и Заббаг. В то же время Согдом управляли местные правители, имена которых зафиксированы на мелких серебряных монетах с изображением лучника.

Иная ситуация сложилась в Северном Тохаристане, являвшемся одной из основных областей Кушаншахра. Из всех областей Среднеазиатского Двуречья Северный Тохаристан был подчинен Сасанидами раннее всего, поэтому здесь необходимо прежде дать поэтапную характеристику данного процесса, поскольку это обстоятельство дает ответ на вопрос о том, почему чеканка подражаний сасанидским монетам появилась здесь раньше всего.

Северный Тохаристан – это обширная область правобережья Амударьи до Гиссарского хребта на севере, соответствующая современной Сурхандарьинской области Узбекистана и Южному Таджикистану. Пожалуй, как ни одна из других областей Трансоксианы – Среднеазиатского Двуречья, Северный Тохаристан занимал важнейшее место в Сасанидской политике в этом регионе, начиная почти со времени создания государства Сасанидов (227 г. н. э.) и вплоть до окончательной его гибели (651 г.). Здесь сталкивались политические интересы многих могущественных государств Востока – Сасанидов, Эфталитов, хионитов, тюрков, а позднее арабов.

Эта ожесточенная борьба за обладание Северным Тохаристаном объясняется не в последнюю очередь тем, что на северо-западе данной области через Железные ворота (Дар-и Аханин, Дарбанд) – горный проход в Западном Гиссаре проходила основная, по существу, кратчайшая дорога торговых караванов и воинских соединений, следовавших из Средней Азии в Индию, и наоборот, из Индии в Среднюю Азию.

В кушанское время (I – начало III вв. н. э.) здесь проходила граница Кушанского государства, защищенная мощной крепостной стеной. Не случайно, Железные ворота как важнейший стратегический пункт, неоднократно, начиная с Сюань-Цзяня (около 630 г.), упоминается в средневековых китайских, арабо-персидских, среднеазиатских и европейских письменных источниках, а также в тюркских рунических надписях.

Важнейшая историческая проблема – Сасаниды и Северный Тохаристан – включает два кардинальных вопроса: 1. Территориальная сфера Сасанидского государства в данной области в различные исторические периоды; 2. Начало и последующая хронология их завоеваний.

К освещению этой проблемы обращались многие ученые, но все они опирались в своих выводах только на сведения письменных источников. Тогда как правильное понимание данной проблемы невозможно без привлечения нумизматических и эпиграфических данных, подробный анализ которых позволяет воссоздать достаточно исторически реальную относительную и абсолютную периодизацию Сасанидского присутствия в Северном Тохаристане до начала V в. н. э. Рассмотрим подробнее первый период, непосредственно имеющий отношение к теме данной главы, – **Период I – посткушанский (вторая и третья четверти III в. н. э.)**, в котором выделяются два этапа:

Первый этап – посткушанский (вторая четверть – начало третьей четверти III вв. н. э.).

Нумизматические материалы, изученные при раскопках городищ и поселений Северного Тохаристана, позволяют утверждать, что наиболее поздними кушанскими монетами, обращавшимися в этой области были монеты кушанских царей Васудевы I с Шивой и быком Нанди на реверсе и монеты Канишки III с богиней Ордохшо на реверсе. Они найдены в большом количестве на территории Северного Тохаристана. В стратиграфическом отношении монеты Канишки III залегают выше монет Васудевы I и, следовательно, Канишка III был последним кушанским царем, владевшим Северным Тохаристаном. Возможно, данные монеты обращались здесь и спустя некоторое время после падения Кушанского государства. На смену им, однако, вскоре приходят медные подражания монетам тех же царей. Об этом красноречиво свидетельствуют некоторые монетные клады из этой области, в которых уже отсутствуют монеты кушанских царей.

В этом отношении особенно показателен клад из Дальверзинтепа, где наряду с драхмой Шапура I (241–272) имелись только подражания кушанским монетам: Васудевы I – 6 экз. и Канишки III – 2 экз. В большом кладе из буддийской ступы на Зартепа, насчитывавшем более 500 монет, также имелись только подражания монетам Васудевы I (более 300 экз.) и Канишки III. Та же картина наблюдается и в монетном кладе из Кутлугшахтепа. Следовательно, возможно предположить, что в истории денежного обращения в Северном Тохаристане был этап обращения исключительно подражаний монетам кушанских царей, продолжительность которого насчитывала, по-видимому, несколько десятков лет от распада Кушанского царства до вхождения этой области в состав владений сасанидских кушаншахов.

В историческом отношении это означает, что после распада Кушанского царства в Северном Тохаристане и до прихода сюда Саса-

нидов существовал ряд мелких самостоятельных владений. Одним из таких владений (Чаганиан) мог управлять некий Рагоз(ико), имя которого с титулом «тао» зафиксировано на венчике хума с городища Культепа. Примечательно также имя некоего Лоииро, отмеченное на уникальном типе подражаний монетам Васудевы I.

Этот этап существования системы мелких владений и отсутствия централизованной власти завершился с завоеванием Северного Тохаристана Сасанидами.

Второй этап – сасанидо-кушанский (третья четверть III в. н. э. – IV в. н. э.). Датировка начального этапа Сасанидского завоевания Северного Тохаристана во многом еще неясна.

Нумизматические данные свидетельствуют, что наиболее ранними сасанидскими монетами в этой области являются драхмы Шапура I, найденные на Дальверзинтепа и Хайрабадтепа.

Важное значение для этого вопроса имеет среднеперсидская надпись из буддийского монастыря Каратепа в Старом Термезе, содержащая цифру «60» или «61». В. Б. Хеннинг и В. Г. Луконин полагали, что она означает год либо по Сасанидской царской эре, начавшейся в 204–205 гг. (по В. Б. Хеннингу) или 208–209 гг. (по В. Г. Луконину), либо по годам царствования шаханшаха Шапура II (309 – 379 гг.), причем В. Б. Хеннинг отдавал предпочтение первому предположению и, следовательно, датировал эту надпись 64/65–66/67 гг., т. е. временем царствования Шапура I, тогда как В. Г. Луконин относил эту надпись ко времени Шапура II (309–379 гг.).

Кроме того, Я. Харматта предложил третью датировку – 286 г. н. э. В то же время, согласно надписи Шапура I (SKZ), весь Тохаристан, входивший прежде в состав Кушанского царства, уже при этом царе подчинялся Сасанидам.

Вместе с тем, по мнению Н. Симс-Уильямса, документы из архива правителей Роба в Южном Тохаристане датированы по кушано-сасанидской эре, которая, как он считает, началась в 233 г. н. э.

О долговременности и прочности Сасанидского государства в Северном Тохаристане в этот период свидетельствуют многочисленные находки кушано-сасанидских монет, причем как медного, так и золотого чекана. Среди находок и монетные клады, в их числе – огромный клад из Алибайтепа в долине Сурхандарьи, на территории исторической области Чаганиана, включающий более 1000 экз. монет всех без исключения кушано-сасанидских правителей и около 100 подражаний монетам Васудевы I и Канишки III, а также находки кушано-сасанидских монет, и клады в Южном Таджикистане.

Но уже в начале V в. в ряде областей Северного Тохаристана начинается выпуск монет самостоятельного чекана, знаменующих собой выход из более чем 150-летнего подчинения сасанидским кушаншахам.

Так, возможно, в районе Термеза и его округи чеканятся серебряные монеты-подражания монетам Варахрана IV с бактрийской легендой). Несколько позднее, здесь же начали чеканиться медные монеты.

Собственно, с этого времени в Среднеазиатском Двуречье появляются первые подражания сасанидским монетам, которые затем на протяжении более чем двести лет играли большую роль в денежном обращении в Среднеазиатском Двуречье, а затем стали основой для появления здесь самостоятельного монетного чекана бухар-худатов, чаган-худатов и правителей Гуфтана (Куфтана). Вместе с тем влияние сасанидской монетной иконографии ощущается в еще более раннее время – в III в. н. э. в монетном чекане Хорезма и Чача.

ЧАСТЬ III ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИЙ КУШАН

Глава I.

БАКТРИЙСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Бактрийская письменность являлась второй после согдийской наиболее распространенной в Средней Азии, причем как по ареалу распространения, так и по степени интенсивности и продолжительности употребления. В раннее средневековье она распространилась на огромной территории от Индии до Восточного Туркестана. О ее значимости свидетельствует тот факт, что она была официальной в двух великих государствах – Кушанском и Эфталитском, а также в более мелких раннесредневековых княжествах и владениях Тохаристана.

Название «бактрийская» для этой письменности и языка было предложено В. Б. Хеннингом. В дальнейшем это название стало общепринятым, вытеснив применявшиеся прежде названия «эптохарский», «кушанский», «кушано-бактрийский», «греко-бактрийский». Однако сами кушанские цари предпочитали называть этот язык арийским, что явствует из эдикта Канишки, нанесенного на каменной плите из Рабатака. В нем сказано: «И он [т. е. царь Канишка. – Э. Р.] *издал *эдикт (по-)гречески, (и) затем переложил его на арийский язык».

Бактрийское письмо происходит от греческого делового курсива, широко распространенного в эллинистических государствах. Его образцы, в частности, представлены находками пергаментов из Авромана и Иранского Курдистана. Бактрийское письмо зародилось в Бактрии, что не случайно и объясняется устойчивым бытованием здесь прочных эллинистических традиций, греческого алфавита

и языка. На первых порах существования Кушанского царства его официальной государственной письменностью была греческая, о чем свидетельствуют легенды на монетах первых кушанских царей Сотера Мегаса и Кадфиза II с греческой титулатурой. При кушанском царе Канишке (вероятно, первая половина II в. н. э.) на монетах вместо титулатуры на греческом языке появляются бактрийские надписи с бактрийской титулатурой «Шаонано шао Канишки Кушана» – «Царя царей Канишки [из рода] Кушана».

На этом основании считалось, что бактрийская письменность была изобретена также при этом царе. Однако сейчас имеется ряд находок надписей, позволяющих предполагать употребление бактрийской письменности до Канишки. В частности, в наскальных надписях из Дашт-и Навура, согласно Ж. Фуссману, наряду с надписями кхароштки и неизвестным письмом (о нем см. ниже) имеется бактрийская надпись, в которой сохранилось имя царя Вимы Кадфиза – предшественника царя Канишки. Это мнение сейчас оспорено Дж. Криббом, полагающим, что в надписи передано имя Вимы Так(то), еще более раннего кушанского царя.

Бактрийское письмо и бактрийский же язык, как нам представляется, употреблены уже на монетах Танлисмайдата, датирующихся концом I в. до н. э. – I в. н. э. В легенде на этих монетах в женском имени Раггодема, первый компонент которого происходит от перс. ранг – «цвет», сочетание «нг» передано типично бактрийским удвоением согласного «г». Следует также упомянуть попытки передачи на монетах правителя Кушана («Герая») отсутствующего в греческой письменности звука «ш» через различное сочетание букв. Имеются и остраки с бактрийскими надписями, которые могут быть датированы более ранним временем, чем время правления Канишки (первая половина II в. н. э.). Возможно, это говорит о том, что бактрийское письмо вошло в обиход уже в I в. н. э., т. е. когда возникли и другие виды письменности Среднеазиатского Двуречья –

хорезмская и согдийская. В эпоху же Канишки эта письменность и язык стали государственными, что и было объявлено в эдикте царя и удостоверено в легендах на монетах.

Бактрийский алфавит насчитывал, вероятно, 25 букв (24 буквы греческого алфавита и одна добавочная, введенная для обозначения фонемы ξ). Во всяком случае такое их количество указывает для письменности Тохаристана, восходящей, по мнению всех ученых, к бактрийской, буддийский монах Сюань-Цзянь, посетивший Бактрию – Тохаристан в начале VII в. н. э. Он писал: «По составу языка (Тохаристан) немного отличается от других царств количеством букв письменности, которое исчисляется 25, они сочетаются и образуют комбинации, при их помощи изображается все. Письмо читается по горизонтали в направлении слева направо. Литературные произведения создаются в большом количестве и превосходят по объему согдийские».

Однако во всех известных памятниках бактрийской письменности до сих пор нет примеров употребления букв «пси» и «кси». Отличительной особенностью бактрийского письма является введение специального знака «сан» для обозначения шипящего звука, графически изображающегося подобно букве «ро».

Различаются две разновидности бактрийского письма – монументальное, или лапидарное, и курсивное. Для первого из них характерно раздельное написание букв, сочетание остроугольных и округлых форм знаков, отсутствие заглавных букв, слитное написание слов. Курсивное же письмо отличается значительным разнообразием почерков и очень сложным характером начертания букв-знаков, зачастую со слитным написанием.

Хронологически бытование бактрийской письменности охватывает период примерно в 800 лет (от I–II до VIII–IX в. н. э.). Известные сейчас бактрийские надписи можно условно разделить на три группы: эпиграфические – надписи на скалах и каменных плитах,

глиняных сосудах и черепках (остраках), геммах и других предметах; нумизматические – надписи на монетах; рукописные документы – надписи на папирусе, пальмовых листьях, бумаге и бересте. По технике исполнения среди них можно выделить надписи граффити, высеченные на скалах, стенах и каменных плитах, а также надписи, процарапанные или выполненные черной «тушью» тонкой кистью на керамике до обжига, папирусе или иных материалах.

Вплоть до середины 50-х годов XX в. число обнаруженных памятников бактрийского письма, особенно кушанского времени, было крайне незначительным – в основном это краткие надписи на монетах, печатях и геммах. Только открытие в 1954–1959 гг. французскими археологами при раскопках храмового комплекса на холме Сурх-Котал в районе Баглана (Северный Афганистан) бактрийских надписей на известняковых плитах положило начало подлинному изучению бактрийского языка и письменности. В 1960–1980 гг. множество бактрийских надписей было открыто при раскопках в различных районах Бактрии, но они более краткие, чем надписи из Сурх-Котала.

Для кушанского времени находки бактрийских надписей зафиксированы в основном только на территории Бактрии и два места находки за ее пределами – каменная плита с трилингвой (бактрийским, кхароштли и неизвестным письмом) из Дашт-и Навура и наскальные надписи из Вахана.

В Северной Бактрии отмечены следующие места находок бактрийских надписей, начиная с запада на восток: пещерный комплекс Кара-Камар – надписи граффити на поверхности скалы; городище Кампыртепа – надпись черной «тушью» на глиняном сосуде, надписи той же техники на черепках, рукописное письмо на папирусе; Старый Термез: буддийский наземный монастырь Каратепе – надписи граффити на стенах пещер, надписи на черепках и сосудах; буддийский наземный монастырь Фаязтепа – надписи черной «тушью»

на черепках и сосудах, район свалки – черепок с надписью черной «тушью»; Мирзакултепа – черепок с процарапанной надписью; Ялангтуштепа – процарапанные надписи на хуме, надписи черной «тушью» на черепках сосудов; Айртам – каменный скульптурный блок с шестистрочной бактрийской надписью на постаменте; Шахтапа – фрагмент венчика сосуда с процарапанной надписью; Душанбе – надпись на венчике хума.

В Южной Бактрии зафиксированы следующие места находок бактрийских надписей, следуя с севера на юг: Дильберджин – надписи монументальным письмом на каменных плитах, остраки с надписью черной «тушью», граффити; Балх – фрагмент глиняного сосуда с процарапанной курсивной надписью; Сурх-Котал – самая большая из известных сейчас бактрийских надписей, состоящая из 25 строк, вырезанных на известняковой плите, там же найдены две более короткие копии этой надписи, также вырезанные на известняковых плитах; Рабатак – надпись монументальным письмом на каменной плите; «Архив правителей Роба».

Раннему средневековью на территории Бактрии – Тохаристана соответствуют малочисленные находки бактрийских надписей. Это легенды на монетах, широко распространенных от Гиссарского хребта на севере до Гиндукуша на юге: монеты с надчеканами бактрийским письмом в Северном Тохаристане в основном выпускались в области Чаганиан, изредка в Гуфтани и, возможно, в других областях; кроме того, вероятно, в Кобадiane выпускались медные монеты с квадратным отверстием и бактрийской курсивной легендой.

Из других памятников бактрийской письменности отметим черепок с надписью черной «тушью» из Зангтепа и находки в Калаи-Кафирнигане. Монеты с бактрийскими легендами выпускались во многих областях Южного Тохаристана, но также и за его пределами: в Кабулистане, Забулистане, Гандхаре и даже в Северной Индии.

В отличие от кушанского времени раннесредневековые бактрийские надписи найдены далеко за пределами собственно Бактрии – Тохаристана. Так, наскальные бактрийские надписи обнаружены к югу от Гиндукуша, в Джагату, к западу от Газни и в Урузгане (Афганистан), а также в долине р. Точи и в Шотиале (Пакистан). Настенная бактрийская надпись, выполненная черной «тушью», вероятно, выходцами из Чаганиана, найдена в дворцовом здании на городище Афрасиаб. Найденные памятники бактрийской письменности большей частью весьма кратки по своему содержанию. На монетах они передают имена и титулы царей, имена божеств, на геммах – имена владельцев, их социальное положение, к примеру – «Варахран сатрап», иногда религиозную формулу. Наиболее интересна надпись на булле из Ашмолеанского музея, очень трудная для прочтения. В переводе В. А. Лившица она гласит: «Луна-Канишка, ябгу, сын царя Индостана». В. Б. Хеннинг считал, что Луна-Канишка – полное имя великого кушанского царя, которое он носил до вступления на престол, будучи еще князем Тохаристана. Надписи на сосудах и черепках сосудов, так называемых остраках, в основном плохо поддаются чтению из-за своей фрагментарности. Они содержат название содержимого сосудов, имена людей, иногда религиозные формулы. В этом отношении показательна двуязычная надпись – бактрийская и кхароштли – на сосуде, найденном на раскопках буддийского монастыря в Старом Термезе. Она гласит: «(Дар) Буддаширы, проповедника дхармы».

Эта надпись votивного характера означала, что Буддашира, проповедующий дхарму, т. е. благое дело, преподнес данный сосуд в дар буддийскому храму. Интересна процарапанная на венчике хума бактрийская надпись, найденная на городище Зартепа, которая переводится как «Бог Шива-Виша-свидетель». Иного характера надпись на большом сосуде – хуме, найденном при раскопках буддийского храма на Дальверзинтепа. В ней сохранилось начало фразы: «Это мною написано...».

Широко известны надписи граффити на стенах пещерного буддийского монастыря Каратепа в Старом Термезе. Их изучением занимались В. А. Лившиц, Х. Хумбах и Я. Харматта. Надписи были открыты экспедицией Б. Я. Ставиского, с 1960 г. ведущей углубленное исследование этого выдающегося памятника буддийской культуры в Средней Азии. В основном это посетительские надписи, которые передают имена бактрийцев, пришедших на поклонение буддийским святыням: Борзомиро, Оромаздо, и в некоторых случаях начинающиеся со слов: «калдо мало /а/гадо...» «Когда сюда пришел...». Вместе с тем Я. Харматта в одной из надписей прочел якобы даже название этого буддийского монастыря как «садо габо», что означает «сотня пещер». Такое прочтение не было поддержано другими исследователями буддийских надписей из Каратепа.

Очень важная бактрийская надпись была открыта Б. А. Тургуновым при раскопках городища Айртам, где в одном из помещений был найден скульптурный блок, увенчанный горельефными фигурами женщины и мужчины. На его постаменте была высечена шестистрочная бактрийская надпись монументальным письмом (о ней подробно см. главу 4 второй части данной книги).

Исключительный интерес для изучения истории бактрийской письменности представляют фрагменты рукописей на папирусе, найденные при раскопках Кампыртепа в здании, расположенном в восточной его части. Подробному обзору этих рукописей посвящена третья глава данной части книги.

Глава 2.

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО

Первая надпись неизвестным письмом была обнаружена в Сурх-Котале (Афганистан) в 1954 г. В начале 1960-х гг. при раскопках дворцового здания в Халчаяне был найден фрагмент сосуда с

тем же письмом. Однако в то время эти надписи еще не были определены как новый вид письменности.

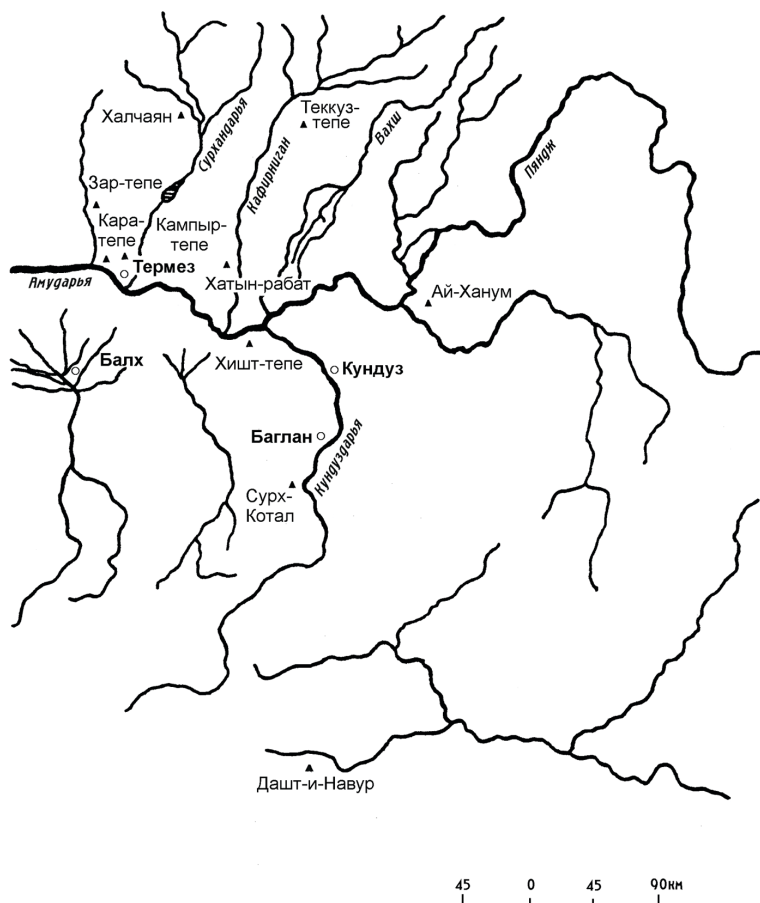
Большой научный интерес к ней возник после открытия в 1967 г. французским геологом М. А. Бутьером (Boutière) выбитой на скале большой надписи в горах Дашт-и Навура в 70 км к северо-западу от Кабула. С надписи были сняты эстампажи, доставленные позднее в Париж проф. Э. Бенвенисту, который установил, что ее текст представляет собой билингву, выполненную бактрийским письмом и письмом кхароштли. В 1969 г. Дашт-и Навур посетил французский ученый, известный специалист в области языков Индостана проф. Ж. Фуссман. К сожалению, надпись к этому времени уже была сильно повреждена местными жителями, тем не менее, Ж. Фуссман установил, что надпись представляет собой трилингву, в которой наряду с письмом кхароштли и бактрийским письмом представлен совершенно новый вид письменности.

В 1974 г. он опубликовал эти надписи в большой обстоятельной статье, в которой установил, что неизвестное письмо – силлабическое, пишется справа налево, а ряд его знаков близок к кхароштли. Ж. Фуссман высказал предположение, что язык этой письменности иранский, отражающий язык камбоджи – древних обитателей области Джагады, упомянутых в V указе царя Ашоки. Потомком этого языка, по мнению автора, является современный иранский язык ормури. Ж. Фуссман также указал, что данный вид письменности представлен в надписях из Сурх-Котала и Халчаяна, куда, по мнению автора, она попала случайно.

В бактрийской версии надписи из Дашт-и Навура прочтена дата, высеченная греческими буквами, по мнению Ж. Фуссмана, по греко-бактрийской эре, и название месяца македонского календаря, а в третьей строке – имя и перед ним титул – царь. Данное имя, несомненно, передает имя второго кушанского царя Вимы Кадфиза. Сейчас Дж. Крибб считает, что в надписи передано имя царя Вимы Такто.

В прakitской версии Ж. Фуссман прочел ту же дату, название того же месяца, титул «царь царей» и имя Vhamakuśasa.

Позднее надписи неизвестным письмом были найдены и в других местах Северного Афганистана, Южного Таджикистана и Узбекистана: Хатын-Рабат, Каратепа, Фаязтепа (Сурхандарьин-

Находки надписей неизвестным письмом в Правобережной и Левобережной Бактрии (сост. В. В. Вертоградова).

ская область Узбекистана), Токкузтепа (Южный Таджикистан). В. А. Лившиц высказал также мнение, что надпись тем же неизвестным письмом, но в более архаичном варианте представлена на серебряной чаше из кургана Иссык (Южный Казахстан), датированного V–IV вв. до н. э..

В 1978 г. при раскопках городища Ай-Ханум (Афганистан) был найден серебряный слиток (II в. до н. э.) с надписью, очень близкой по характеру знаков иссыкской надписи. В. А. Лившиц также указал, что фрагмент сосуда VII – начала VIII в. н. э. с тем же письмом найден в Старом Мерве (Туркменистан). В. В. Вертоградова опубликовала три новых фрагмента сосудов с надписью неизвестным письмом из Каратепа и фрагмент хума из Хатын-Рабада с билинговой – кхароштки и неизвестным письмом. В этой статье В. В. Вертоградова обобщила все имеющиеся к тому времени данные о неизвестном письме, высказала предположения о его характере.

География памятников неизвестного письма показала несостоятельность мнения Ж. Фуссмана, увязывающего его только с языком камбоджи. Памятники этой письменности были распространены на большой территории от Гиндукуша на юге и Семиречья на севере и от Южного Таджикистана на востоке до Восточного Туркменистана на западе, но основная область их распространения – это Бактрия – Тохаристан. В хронологическом отношении бытование этой письменности охватывает значительный период времени от V–IV вв. до н. э. до VII–VIII вв. н. э., в основном однако приходясь на первые века до н. э. – первые века н. э.

Накопленные материалы и его анализ позволили исследователям перейти к исторической интерпретации этого письма. В. А. Лившиц высказал со знаком вопроса мнение, что архаичный вариант, представленный в надписи из Иссыка, принадлежал сакам. Он также указал на возможную связь неизвестного письма с арамейским алфавитом, что предполагал и П. Бернар.

Ж. Фуссман и В. В. Вертоградова обратили внимание на соответствие ряда знаков неизвестного письма знакам кхароштли. В. В. Вертоградова, опираясь на ряд данных, высказала предположение, что следует говорить не об одном, а о двух видах неизвестного письма: раннем, отраженном в надписях Иссыка и Ай-Ханума, и более позднем, представленном несколькими вариантами. Она считает, что общая структура неизвестного письма близка к арамейскому письму и письму кхароштли. По ее мнению, эта письменность отражает не один, а несколько языков, «стоящих за разными видами этого письма».

Позднее К. Рапэном и автором этой книги независимо друг от друга было высказано предположение, что неизвестное письмо принадлежало юечжам – народу, обитавшему прежде в Центральной Азии, но под давлением хунну вынужденных эмигрировать вначале в Семиречье, а затем в Бактрию.

Таковы основные положения, высказанные исследователями в отношении неизвестного письма, его происхождения и языковой принадлежности.

Очевидно, что неизвестное письмо имело широкое распространение в кушанской и предкушанской Бактрии. Учитывая наличие ее в надписях из Дашт-и Навура, вместе с бактрийской версией и версией кхароштли, В. А. Лившиц совершенно справедливо заключил, что она являлась третьей официальной письменностью в Кушанском царстве.

Вместе с тем эти надписи остаются исключительно редким явлением. Поэтому публикация новых, даже фрагментарных надписей этого типа имеет исключительно важное научное значение. Три надписи неизвестным письмом были найдены в последние годы в Северной Бактрии – Коштепа, Кампыртепа, Старый Термез.

Надпись из Коштепа. Это поселение расположено у кишлака Ходжа-Кият Денауского района Сурхандарьинской области Узбеки-

стана. Датируется кушанским временем и ранним средневековьем. На поверхности цитадели поселения мною был поднят венчик хума, на внутренней стороне которого нанесены два знака. Первоначально они были отнесены мною к письму кхароштки, однако сравнения их показывают, что они выполнены неизвестным письмом.

Первый знак аналогичен знаку № 21 А в надписи неизвестным письмом из Дашт-и Навура (далее DN III), а также первому знаку этого же письма на венчике хума из Хатын-Рабада. Этот же знак употреблен и в ниже описываемой надписи из Кампыртепа.

Надпись из Кампыртепа. Городище Кампыртепа расположено в 30 км к западу от Термеза на правом берегу Амударьи. Основание городища относится, вероятно, к концу IV в. до н. э., прекращение жизни на нем – к началу второй половине II в. н. э. Во рву около цитадели был поднят фрагмент венчика небольшого сероглиняного сосуда, на поверхности которого нанесена частично сохранившаяся надпись неизвестным письмом, состоящая из трех знаков, двух целых и одного неполного.

Первый знак соответствует знаку № 21 А DN III, также встречающегося в надписях из Хатын-Рабада и Коштепа. Второй знак – новый, прежде не встречавшийся в надписях неизвестным письмом. От третьего знака осталась косая черта /.

Надпись из Старого Термеза. К югу от известного буддийского пещерного монастыря Каратепа на правом берегу Амударьи археологами Л. И. Альбаумом и П. Гендельманом были осуществлены раскопки могильника, состоящего из наземных наусов, датированных юечжийским и кушанским временем. В камере-I науса-II, на нижнем горизонте ими был найден небольшой сероглиняный сосуд, покрытый орнаментом, состоящим из беспорядочных лощённых линий и кругов. На верхней части тулова вырезана надпись из пяти знаков неизвестного письма. Первые три знака соединены друг с другом, два последних – нанесены отдельно.

Первые два знака как будто бы идентичны, отличаются друг от друга только формой боковых линий, в первом знаке более изогнутой. Можно предположить, что косая боковая линия / во втором знаке могла выполнять роль соединения. Тогда второй знак имел форму прямой вертикальной линии – |. Третий знак – новый, прежде не встречавшийся в надписях неизвестным письмом. Четвертый знак в какой-то мере напоминает знак № 9 DN III и знак из Каратепа. Отличие здесь состоит в более округлых формах знаков в последних надписях и наличием дополнительных трех черт в надписи на сосуде из Старого Термеза. Можно полагать, что это новый знак неизвестного письма. Пятый знак также новый, не находящий соответствий в ранее известных надписях неизвестного письма.

Таким образом, новые находки памятников неизвестной письменности существенно расширяют ареал ее распространения, добавляя три новых пункта – Кампыртепа, Коштепа и наусы Старого Термеза. Все это в целом свидетельствует о том, что именно Бактрия являлась основной областью ее бытования, так как на эту область приходится более десяти находок памятников неизвестной письменности. За пределами Бактрии найдены лишь три надписи – курган Иссык (архаичный вариант), Дашт-и Навур и Старый Мерв.

Кроме того, новые находки добавляют три новых знака в алфавит неизвестной письменности. Существенно, что уже в четырех случаях зафиксировано начало того или иного слова со знака, который был весьма распространенным гласным или согласным звуком в языке, отраженном этой письменностью. Судя по имеющимся данным, существовало как округлое письмо, так и письмо геометрических очертаний, что свидетельствует о достаточно развитой системе письменности.

Касаясь версии о ее языковой принадлежности, отметим тот бесспорный факт, что именно Бактрия была основным центром бытования неизвестной письменности, являвшейся при этом одной из

трех официально признанных в Кушанском царстве. Поэтому неизвестная письменность должна отражать или язык народа, составлявшего в Бактрии и Кушанском государстве значительный пласт населения, игравшего важную роль в религиозной и административной жизни, или же язык правящей династии и привилегированного слоя населения.

Основную массу автохтонного населения в Бактрии составляли собственно бактрийцы – народность восточноиранского происхождения, письменность и язык которых отражен во многих надписях, в том числе Сурх-Котала. Другой значительный, но пришлый этнос Бактрии – греческий, бывший в недалеком прошлом привилегированным слоем в этой области и сохранившийся, вероятно, в кушанское время.

Индийские надписи кхароштки и брахми, отражающие соответствующие языки праkrit и санскрит, убедительно свидетельствует о глубоком внедрении индийских этнических групп в этносферу Бактрии. Также следует особо выделить три волны кочевых народов, пришедших в Бактрию, – саки, юечжи, асии, пасианы, тохары и сакаравлы. Из них важнейшую роль в истории Бактрии сыграли юечжи=тохары. Ведущая роль тохаров закреплена в названии Тохаристан – «страна тохаров», которое сменило или бытовало параллельно с прежним названием – Бактрия – уже, вероятно, с I в. до н. э.

Юечжи, выходцы из Центральной Азии, были пришлым этносом и, следовательно, по своему языку не имели отношения к бактрийскому – автохтонному языку Бактрии. Однако до сих пор наука не располагает никакими данными о том, какого происхождения был собственно юечжийский язык, так как ни одного слова на языке юечжей в письменных источниках не сохранилось. Напрашивается логический вывод: поскольку роль юечжей и в первую очередь кушан в истории Кушанского государства была велика, а в трилингве из Дашт-и Навура неизвестная письменность фигурирует в качестве

официальной наряду с кхароштки и бактрийской (первая отражала язык основной массы коренного населения Бактрии, а вторая – язык населения индийских колоний и буддийской религии, игравшей исключительно важную роль в религиозной жизни Кушанского государства), то в качестве аргументированного предположения, но не доказанного пока факта, можно считать, что неизвестная письменность передает юечжийско-тохарский язык.

Глава 3.

ЕГИПЕТСКИЕ ПАПИРУСЫ С БАКТРИЙСКИМИ НАДПИСЯМИ ИЗ КАМПЫРТЕПА

Бактрийские рукописные тексты, выполненные на папирусе, были обнаружены мной в 1982 г. при раскопках помещения № 6 блока-квартала № 1, расположенного в восточной части городища Кампыртепа.

Помещения блока-квартала № 1 построены на четырех террасах, вырубленных в материковом лессе, причем уровень пола помещений первой (нижней) террасы ниже уровня четвертой (верхней) террасы на 3 м. Обрезы террас дополнительно обкладывались подпорными стенками из квадратного сырцового кирпича, а внутренние грани их покрывались 1,5-сантиметровым. слоем глинно-саманного раствора и тонким известковым слоем штукатурки.

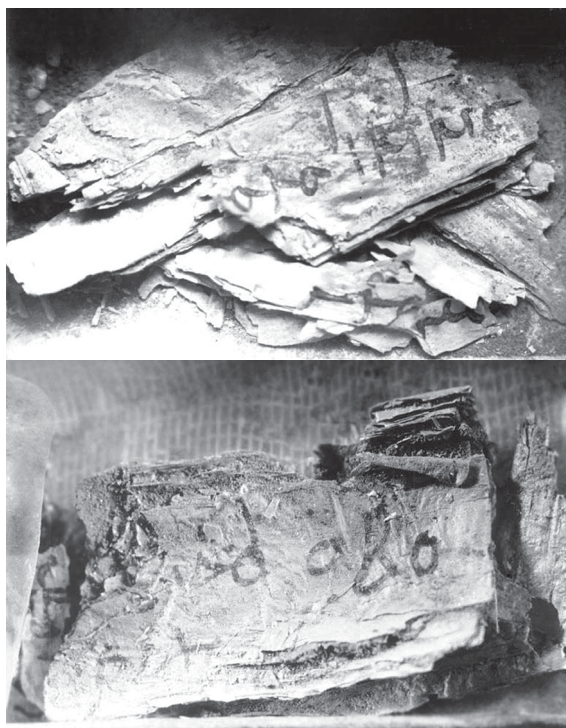
В планировочной структуре здания выделяется центральное «ядро» из двух помещений с П-образным коридором; с четырех сторон от «ядра» группируются помещения различных размеров и функционального назначения. Верхнее помещение (размеры: 5,75×5,17 м) в центральном «ядре», – видимо, культового характера, с хорошо утрамбованным полом, покрытым тонким слоем глиняной смазки, и тщательно покрытыми известковой штукатуркой стенами. Нижнее помещение – прямоугольное в плане (размеры: 4,9×5,75 м);

находки в нем и специфика культурного слоя позволяют считать его трапезной.

Характерно распределение помещений этого здания по функциям. Помещения, устроенные на первых двух нижних террасах, – хозяйственного и производственного назначения, в частности одно из них представляло собой мастерскую, в которой изготавливались каменные архитектурные детали. Помещения, расположенные на верхней террасе, – для иных целей: одно из них культовое, другое (пом. № 6), где найдены рукописи, являлось, вероятно, своего рода архивом. Общие границы здания пока не определены, однако очевидно, что с севера оно примыкало к другому большому строению, а западной стороной было обращено ко рву, тогда как с восточной стороны оно выходило к «галерее», отделявшей его от крепостной стены, а с южной стороны – к улице шириной 1,2 м, отделявшей

*Кампыртепа. Северо-восточный угол городища.
Крепостная стена кушанского периода после реставрации.*

Бактрийские надписи на египетских папирусах. Кампыртепа.

раскопано на полу помещения № 6. Они или находились в комках земли, или лежали отдельными фрагментами в культурном слое. Всего, по нашим подсчетам, было обнаружено около 30 фрагментов различных размеров, а также несколько листков, слипшихся друг с другом и свернутых в свиток. Отдельные фрагменты имели размеры: 2,6×1,6 см, 2×1 см и т. д. На четырех фрагментах надписи, выполненные черной тушью, нанесены на обеих сторонах, на других – только на одной. С левой стороны имеется свободная полоса поля шириной 1,5 см, расстояние между строками 2–2,5 мм. Количество строк не установлено, но на отдельных фрагментах сохранились три и даже четыре строки. Высота букв 3–5 мм.

его от другого большого здания, вероятно, культового назначения. Стены здания ориентированы по сторонам света с небольшим отклонением от осей.

Судя по стратиграфии, здание № 1 имело два периода обживания, хорошо датируемые монетами: первый – времени Вимы Кадфиза, второй – Канишки I. Никаких более ранних и поздних слоев здесь не обнаружено.

Множество фрагментов рукописей было

Надписи выполнены бактрийским курсивным письмом и на бактрийском языке, о чем свидетельствуют характерные для этого языка имена существительные и предлоги. На двух фрагментах сохранилось слово αβο, передающее или предлоги «в», «на», или существительное «вода». На одном фрагменте прочитывается сочетание...βιδοαβο, где βιδο («правитель», «начальник») – часть титула, подобно бактрийскому титулу ζενοβιδο – «начальник арсенала» в «надписи Паламеда» из Сурх-Котала или ασβαροβιδο – «начальник кавалерии»¹⁷ на эфталитской гемме из Эрмитажа. На другом фрагменте сохранились два слова αλα ιησο..., где αλα орфографический вариант префикса αλο, известного в ряде слов Большой Сурхкотальской надписи (ср. αλοχαλο в версии D). В других случаях αло написано отдельно и, возможно, обозначает предлог «с». Наибольший интерес представляет имеющееся на одном фрагменте слово οαχο, которое, вероятно, передает имя бактрийского божества οαχο<*vaxš или название главной бактрийской реки Окс – Вахш – Амударья (Oxus – Vakhsh – Amu-Darya).

Датировка найденных бактрийских рукописей не вызывает сомнения – время правления царя Канишки I, поскольку на полу помещения № 6 рядом с фрагментами была найдена медная монета этого царя, также как и в других помещениях этой постройки. К тому же, как сейчас установлено, это здание и все прочие строения на Кампыртепа были покинуты в результате наводнения, вызванного мощным землетрясением, из-за чего р. Окс изменила свое русло и смыла часть городища. По археологическим данным было установлено, что время обживания здания относится ко времени правления Кадфиза II и Канишки I.

До находок на Кампыртепа бактрийских рукописных текстов кушанского времени на территории Бактрии не было обнаружено. Древнейшей бактрийской рукописью считался «фрагмент из Ло-

¹⁷ Согласно В. А. Лившицу, титул βιδο можно отнести к числу бактрийских.

у-ляна», открытый А. Стейном в развалинах Лоуланя (Восточный Туркестан) и датированный IV в. Семь фрагментов рукописей, т. н. «Берлинских эфталитских фрагментов» на бактрийском языке VIII–IX вв., были найдены А. фон Ле Коком в руинах монастыря в долине Туюка в Турфанском оазисе. Они выполнены на бересте, бумаге и пальмовых листьях.

Большое историческое значение имеет «Архив правителей Роба» (Северо-Западный Афганистан), исследованный Н. Симс-Уильямсом. Документы представляют собой свитки тонкой кожи, надписи на которых выполнены бактрийской письменностью на бактрийском языке, датированные IV–VII вв. н. э.

Таким образом, бактрийские рукописи Кампыртепа являются древнейшими бактрийскими рукописями, найденными в Бактрии и Центральной Азии в целом. Особое значение при этом имеет материал, на котором были написаны бактрийские тексты из Кампыртепа, первоначально определенный как береста. В 1983 г. эти рукописи были переданы во Всесоюзный Научно-исследовательский институт реставрации (ВНИИР), где старший научный сотрудник Г. И. Рымарь провела их всестороннее изучение.

В результате этих исследований Г. И. Рымарь, отвергнув версию бересты как основы для рукописей, пришла к выводу, что «при сравнении снимков с образцов бактрийских рукописей и образцов папируса хорошей сохранности, полученных при исследовании на сканирующем электронном микроскопе, учитывая изменения в структуре, которые могли произойти в материале (в данном случае фрагменты бактрийских рукописей), можно считать, что клетки срезов бактрийских рукописей *идентичны клеткам папируса* (курсив мой. – Э. Р.)». Причем снимки срезов были сделаны в международной лаборатории электронной микроскопии МГУ им. М. В. Ломоносова при 100-, 300-, 400-, 500-, 1000- и 1500-кратном увеличении.

Папирус как материал для письма был изобретен в Древнем Египте, причем правитель последнего обладал монопольным правом на вывоз папируса за границу. Иногда, правда, таким же правом обладали и частные лица – владельцы значительных средств. Основным центром по производству папирусов и торговле ими была Александрия. В Египте найдены многочисленные папирусы на арамейском, греческом, коптском, персидском и других языках. Отдельные находки папирусов имели место в Южной Европе: в Геркулануме и при раскопках древнегреческой колонии Галатия.

Вместе с тем до сих пор не известно ни одного папируса кушанского времени на огромной территории от Египта и Восточного Средиземноморья до Ирана, Месопотамии, Индии. Посему находка папирусов первой половины II в. н. э. на городище Кампыртепа в долине Окса на территории Древней Бактрии – вообще первая находка папирусов этого времени к востоку от Средиземноморья. Но не только в этом выдающееся значение папирусов из Кампыртепа. Они, в частности, свидетельствуют о том, что в Кушанском царстве папирус использовался как материал для письма.

Глава 4.

ЗОРОАСТРИЗМ В КУШАНСКОЙ БАКТРИИ

Зороастризм – древняя религия. Название свое она получила от имени основателя – Заратуштры, кое со староиранского переводится как «обладающий золотым (или старым) верблюдом». Большинство ученых считает, что Заратуштра – лицо вполне реальное, а не мифическое.

Время жизни Заратуштры зороастрийская традиция определяет в «258 лет до Александра» (Александра Македонского). Принимая во внимание эту дату и привлекая другие косвенные данные, многие исследователи считают, что Заратуштра (в греческом произношении

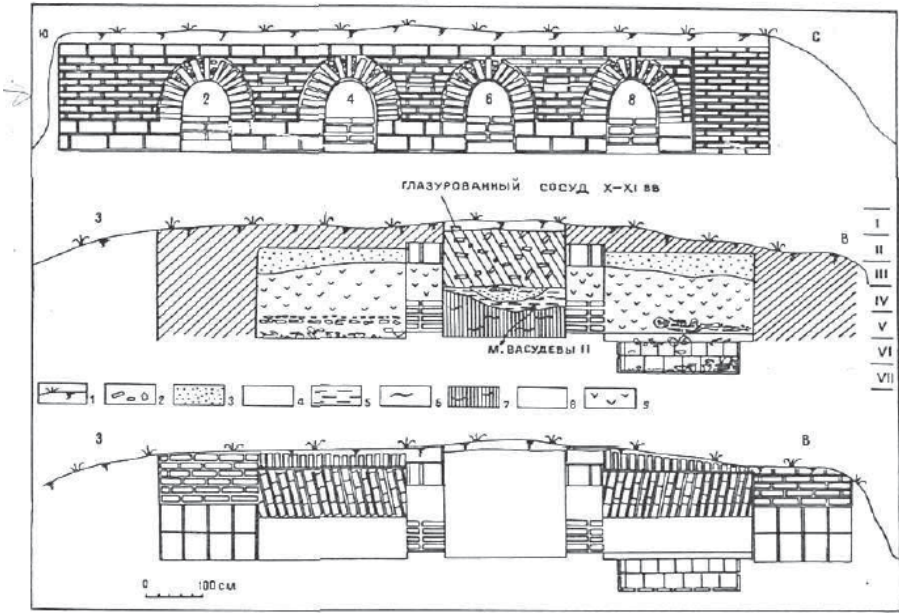
Зороастр) жил в конце VII – начале VI в. до н. э. Согласно той же традиции проповедь новой религии Заратуштра начал при дворе Кави Виштаспы – правителя Бактры (нынешний Балх в Северном Афганистане), куда прибыл со своей родины Арьянам Вайчах.

В чем же суть религии Заратуштры, или если быть более точным, религиозной реформы, поскольку она заменила старое многобожье ираноязычных народов, многое при этом из него переняв?

Время, когда Заратуштра начал проповедь своих идей, было чрезвычайно важно в истории Средней Азии и Ирана. Происходила ломка старых первобытнообщинных отношений, складывались новые классовые. Новая религия отражала эти перемены и служила новому зарождающемуся классовому обществу. Она призывала к политическому объединению и созданию сильной централизованной власти, к решительной борьбе против кочевых народов, ставших в этот период настоящим «бичом божьим» для населения земледельческих оазисов.

В религиозном аспекте, как и в социальном, реформа Заратуштры сводилась к проповеди единого божества Ахура-Мазды (букв. «господин мудрый»), к борьбе с бывшими племенными божествами асурами и дайвами, которые отныне объявлялись врагами Ахура-Мазды. Отныне провозглашается постоянная и непримиримая война между добром и злом, правдой и ложью, светлым и темным. Борьба эта приобретает космические масштабы и становится основой зороастрийского дуализма, причем светлые силы возглавляет Ахура-Мазда, а во главе темных становится Ангро-Манью – Ахриман.

Все многообразные функции языческого пантеона отныне передаются своеобразной коллегии так называемых Амэша-Спэнта, которых шесть и которые не являются божествами, наделенными плотью и кровью в языческом понимании, а представляют собой отвлеченные сущности, наделенные плотью условно и по суще-

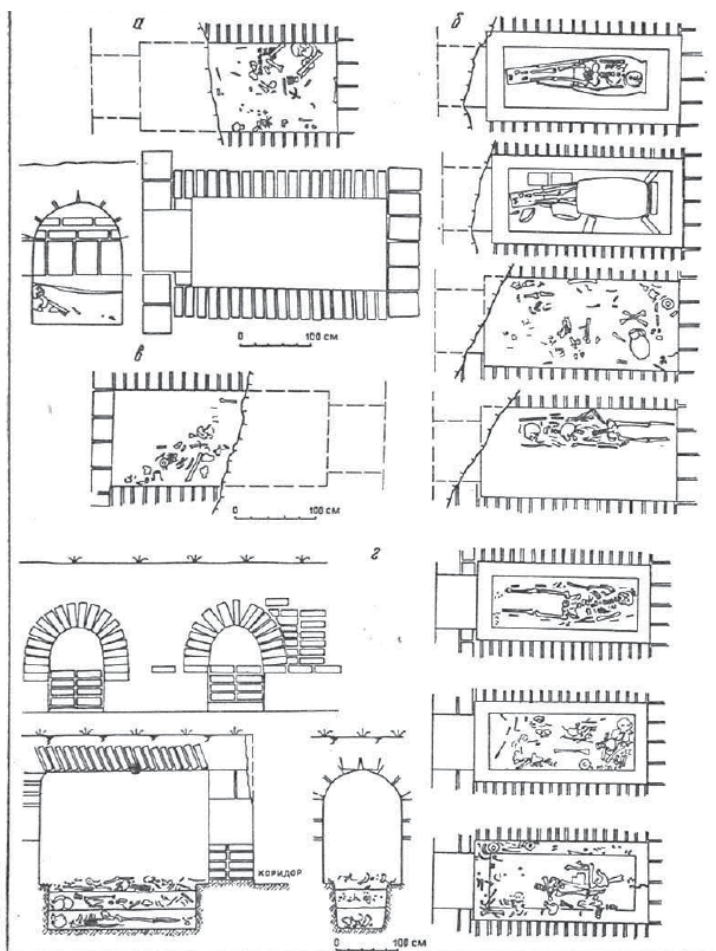
Дальверзинский наус.

Продольный и поперечный разрезы

Условные обозначения: 1 — дерновой слой; 2 — завал сырцовых кладок; 3 — натечно-надувной слой; 4 — органика; 5 — зола; 6 — угольные прослойки; 7 — слой средней плотности с угольками, истлевшим камышом, золой и керамикой; 8 — стены науса из сырцового кирпича и пахсовых блоков; 9 — рыхлый слой.

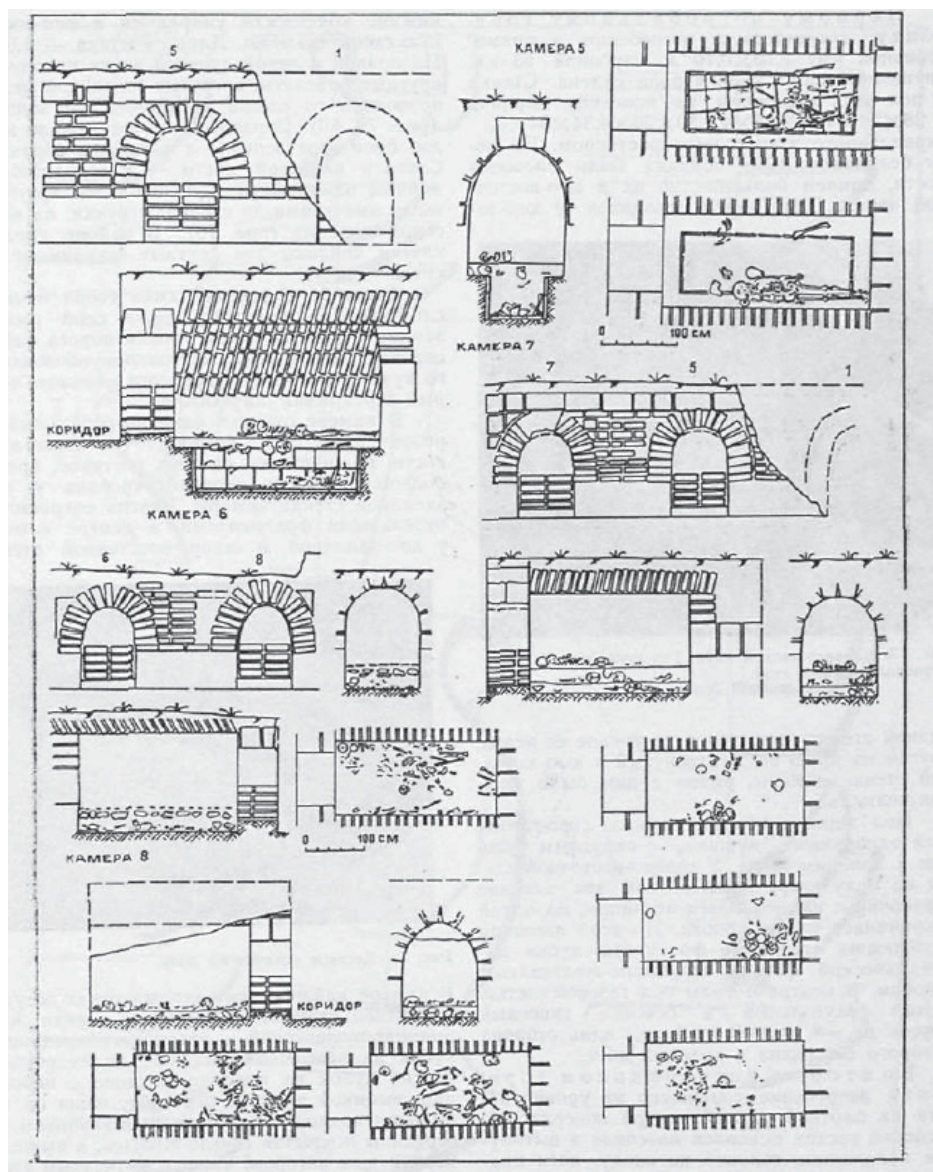
ству являющиеся лишь функциями единого божества. Решительно отвергаются древние языческие обряды, в частности употребление хаомы – ритуального наркотика.

Правда, с течением времени религия Заратуштры, постепенно распространяясь среди ираноязычных народов и сохраняя свою основу, претерпевала некоторые изменения. Постепенно складывается зороастризм – одна из важнейших религий древности, впитавшая в себя религиозно-философский дуализм Заратуштры, старые иранские культы и исторические предания. Окончательно оформился зороастризм при Сасанидах (III–VII вв. н. э.). В это же время широко

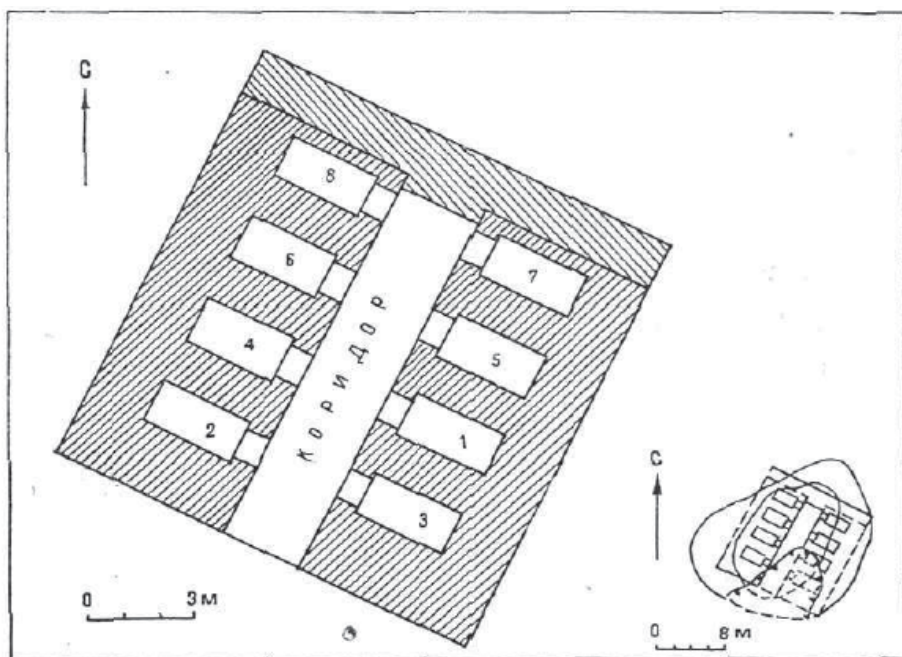
*Дальверзинский наус Дт-14.
Погребение в камерах 1-4.*

распространяется зороастрийская литература. Надо сказать, что на первых порах священные тексты зороастрийской религии передавались из поколения в поколение устно и только по прошествии нескольких веков после смерти Заратуштры были записаны и сведены в единый текст.

Дальверзинский наус.
 Погребение в камерах 5-8.

Была создана Авеста – священная книга зороастрийцев. Считается, что первая кодификация Авесты произошла в I в. до н. э., хотя ряд ученых, опираясь на зороастрийскую традицию, возводит это событие ко времени первых Сасанидов (III–IV вв. н. э.). Тогда же появился и термин «Авеста» – по-среднеперсидски – Апастак, что означает «основа», т. е. основной текст. Авеста – сборник религиозных текстов зороастрийской религии, наподобие Корана у мусуль-

Дальверзинский наус. План

ман или священного писания у христиан, сложившийся в разное время и на разной территории.

Большая часть Авесты после прихода ислама погибла, и до нас дошли лишь те ее тексты, которые были необходимы для повседневной религиозной практики.

Зороастризм выработал сложную и весьма своеобразную погребальную обрядность. В основе ее – строгое предписание Авесты о том, что ни землю, ни огонь, ни воду нельзя осквернить соприкосновением с трупом. Тот, кто закопает труп человека или собаки в землю, совершит тяжкий грех и за это должен быть подвергнут 500 ударам «лошадиной плетью». А участок земли, где погребен человек или собака, в течение года нельзя орошать или засеивать. Но как же тогда быть? Как похоронить умершего? Зороастрийские жрецы выработали строгую последовательность сложного погребального обряда, изложенного в Видевдате. В нем предписывалось, что труп умершего человека сперва необходимо поместить в ката – небольшую постройку, а затем отнести на дахму (естественную возвышенность или специальную постройку), где птицы, хищники или специально обученные собаки обглодают труп. И только после этого очищенные кости разрешается помещать в определенные костехранилища, выстроенные из камня, глины или извести. В Видевдате эти костехранилища именуется уздана, а в более поздних пехлевийских текстах – астодан; перевод названий до сих пор остается неясным и понимается двояко.

Одни ученые полагают, что термином астодан обозначались глиняные ящики – оссуарии – их находки очень часты в Средней Азии. Другие ученые, в частности выдающийся немецкий иранист В. Хеннинг, переводили термин как земляной склеп – гробница. Погребением занимались специальные люди, так называемые ристокаша, считавшиеся нечистыми. Им запрещалось находиться ближе 30 шагов от огня, воды, барсмана (культовый предмет, представляющий собой пучок прутьев), подходить к людям ближе, чем на три шага.

Кроме авестийских терминов широко был распространен и термин наус, восходящий к греческому слову «наос» – «храм, святилище», обозначающий у зороастрийцев сасанидского периода и

первых веков ислама надгробное сооружение для хранения очищенных костей умерших.

Погребальные сооружения зороастрийцев – уздана, оссуарии, дахма, ката и храмы обнаружены и исследованы во многих местах Средней Азии – в Бактрии, Маргиане, Парфии, Хорезме. Особую роль в становлении зороастризма играли Хорезм и Бактрия. Открытие в последнее время разнообразных буддийских памятников в Бактрии с их выдающимися произведениями искусства как бы заслонило тот несомненный факт, что основной религией этой страны был зороастризм. Буддизм в Бактрии базировался в городах, его опорой прежде всего было пришлое население, в пору существования Кушанского царства широко расселившееся по всей ее территории, тогда как зороастризм являлся религией исконного населения Бактрии, следы которого фиксируются в археологических памятниках.

Бытование и продолжение существования данной религии здесь подтверждаются целым комплексом источников, письменными свидетельствами, эпической традицией, археологическими, эпиграфическими и нумизматическими данными.

В «Видевдате», систематизированном в I в. до н. э., Бактрия (Бахди) фигурирует в числе праведных зороастрийских стран как «страна с высокого поднятыми знаменами». Светская историческая традиция, опирающаяся на сасанидский «Худайнаме», сохранила более древнее представление о бактрийском царе – кави Виштаспе – покровителе Заратуштры, при дворе которого пророк начал проповедь новой религии. О царе Балха (Бактр) Гуштаспе, покровителе Зардушта, писали Табари, Макдиси, Фирдоуси, Дакики, Беруни и другие средневековые авторы.

*Зороастрийское божество
Маздован на золотом
динаре Канишки I.*

Несомненная связь Заратуштры и зороастризма с Бактрией подтверждается и сведениями греко-римских авторов, начиная с Ктесия Книдского (V в. до н. э.), в ряде мест труда которого пророк назван «Маг Зороастр, бактриец» или «Зороастр маг, царь бактрийцев». Традиция, связывающая Заратуштру с Бактрией, нашла отражение и в более поздних греко-римских источниках, как например, в трудах Аммиана Марцеллина (IV в. до н. э.), повествующего о «бактрийце Зороастре» (XIII. 6. 32), а также в сочинениях ранних христианских авторов, писавших о Зороастре как основателе Бактр, «откуда “новый закон” распространился по всей земле».

Вопреки скептицизму прежних ученых (В. Хеннинг) ярким свидетельством существования погребального обряда зороастрийского характера является сообщение спутника Александра Македонского Онесекрита о том, что «...людей, изнуренных старостью и болезнями, они бросали живыми собакам, нарочно содержимым для этого, которых на своем родном языке они называли “могильщиками”». Территория вне стен столицы бактрийцев имела чистый вид, тогда как большая часть пространства внутри стен была полна человеческих костей» (Strabo. XI, 2, 3). Подтверждением этому сообщению являются обнаруженные мною и А. С. Сагдулаевым разрозненные человеческие кости на поселениях ахеменидского времени в Северной Бактрии и Южном Согде. Б. А. Литвинским ныне доказана зороастрийская принадлежность храма Окса на городище Тахти-Сангин.

Значительное число бесспорных свидетельств существования зороастризма в Бактрии имеется для кушанского времени. Это прежде всего Рабатакская надпись, опубликованная Н. Симс-Уильямсом и Дж. Криббом. В 8–11 строках этой надписи говорится о том, что царь Канишка отдал приказ Шафару каралрангу о постройке святилища и возведении в нем изображения богов, «которых... великолепный Умма возглавлял, госпожа Нана и госпожа Умма, Ахурамазд, Маздован, Срошард, Нараса, Михр», а над име-

нами этих зороастрийских божеств вписаны имена индуистских божеств Maaseno (Mahasena) и Bizago (Visakha).

Таким образом, Рабатакская надпись устанавливает главенствующую роль зороастрийских божеств в религиозных взглядах царя Канишки I, а, следовательно, и Бактрии, поскольку вышеупомянутое святилище было построено в Баглане, на территории этой страны. Имя божества Сраошо зафиксировано в одной из пещер Каратепа. Имена других зороастрийских божеств Фарро и Мао обнаружены в надписях из буддийских храмов Фаязтепа и Дальверзинтепа.

Это возможно, свидетельствует о каком-то слиянии зороастризма и буддизма или включении зороастрийских божеств в состав бодхисатв (включение чужих божеств в состав бодхисатв – характерная черта одного из двух направлений буддизма – махаяны).

Не менее важное свидетельство почитания зороастризма в Бактрии и в целом в Кушанском царстве – изображение божеств на монетах Канишки и Хувишки, многие из которых, как доказал еще А. Стейн, зороастрийского характера. Бактрийская ономастика, выявленная в эпиграфических памятниках на территории Бактрии, также подтверждает устойчивый характер зороастризма в этой стране. Особенно часто отмечены сложносоставные имена, в одном из компонентов которых обязательно присутствует имя великого зороастрийского йазата – Митры (Михра): Михрзад, Борзомихр.

Наконец, ярчайшим свидетельством существования зороастризма в Бактрии являются погребальные сооружения, зороастрийский характер которых был доказан Б. А. Литвинским и автором этих строк. Сейчас в Северной Бактрии открыты, раскопаны все виды погребальных сооружений, отмеченные в «Видевдате» (ката, дахма, уздана, наусы). Они исследованы на городищах Дальверзинтепа, Старый Термез, Ялангтуштепа, Шахтепа и в особенности на Кампыртепа. Здесь же отмечены (с определительными отклонениями от изложенного в соответствующих фрагментах «Видевдата») и другие

зороастрийские обряды очищения и оберега от нечистого, в частности такой обряд, как «баршум».

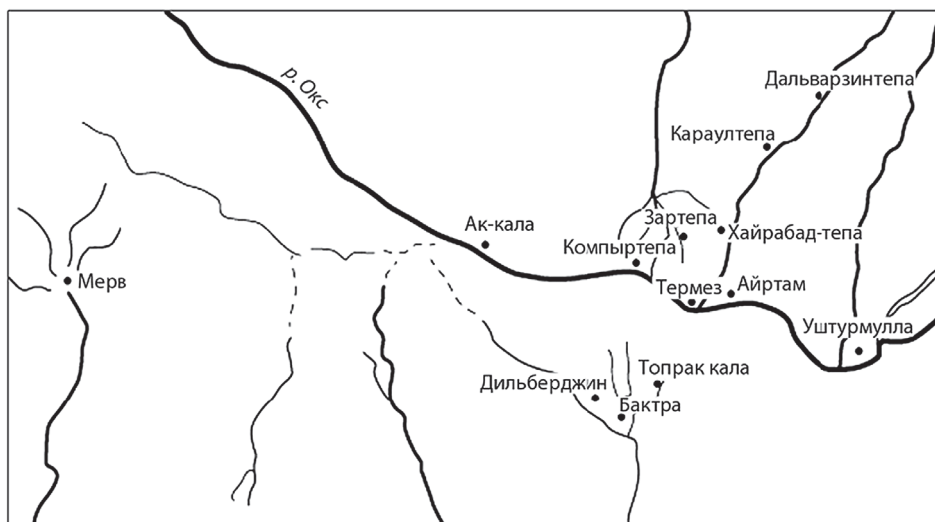
Глава 5.

ВРЕМЯ И ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ БУДДИЗМА В БАКТРИЮ

Основной дорогой, по которой буддизм проникал в Бактрию, а оттуда по Оксийскому водному пути и частично сухопутным трассам – в Маргиану, служил великий индийский путь. Об этом говорят новые археологические материалы, полученные, в частности, при раскопках Кампыртепа и Старого Термеза, свидетельствующие о весьма раннем проникновении индийской культуры и буддизма в долину Окса к западу от Термеза по пути в Маргиану. Особое значение при этом имеют находки ранних буддийских терракот в Старом Термезе и Кампыртепа.

На территории Северной Бактрии к настоящему времени найдены семь терракотовых статуэток кушанской эпохи с изображением Будды: три – в Старом Термезе (две в стратиграфическом шурфе, одна в буддийском пещерном монастыре Каратепа); две – на Кампыртепа (одна в мусорной яме и одна во рву с западной стороны цитадели); одна – на Айртаме. Они отражают два иконографических типа: сидящий Будда в позе абхая-мудра, т. е. с поднятой правой рукой, и в падмасане с жестом дхьяна-мудра, обычно без сиденья. Отличается от них своим сложным треном с восседающим на нем Буддой только статуэтка из Кампыртепа.

Одними из самых древних статуэток Будды, найденных в Северной Бактрии, являются две статуэтки, обнаруженные Ш. Р. Пидаевым в стратиграфическом шурфе в Старом Термезе, которые датированы им второй половиной I – первой половиной II в. н. э. Но еще более древняя статуэтка Будды была найдена в ступе в Дхарма-радживе (Гандхара), которая датируется первой четвертью I в. н. э.

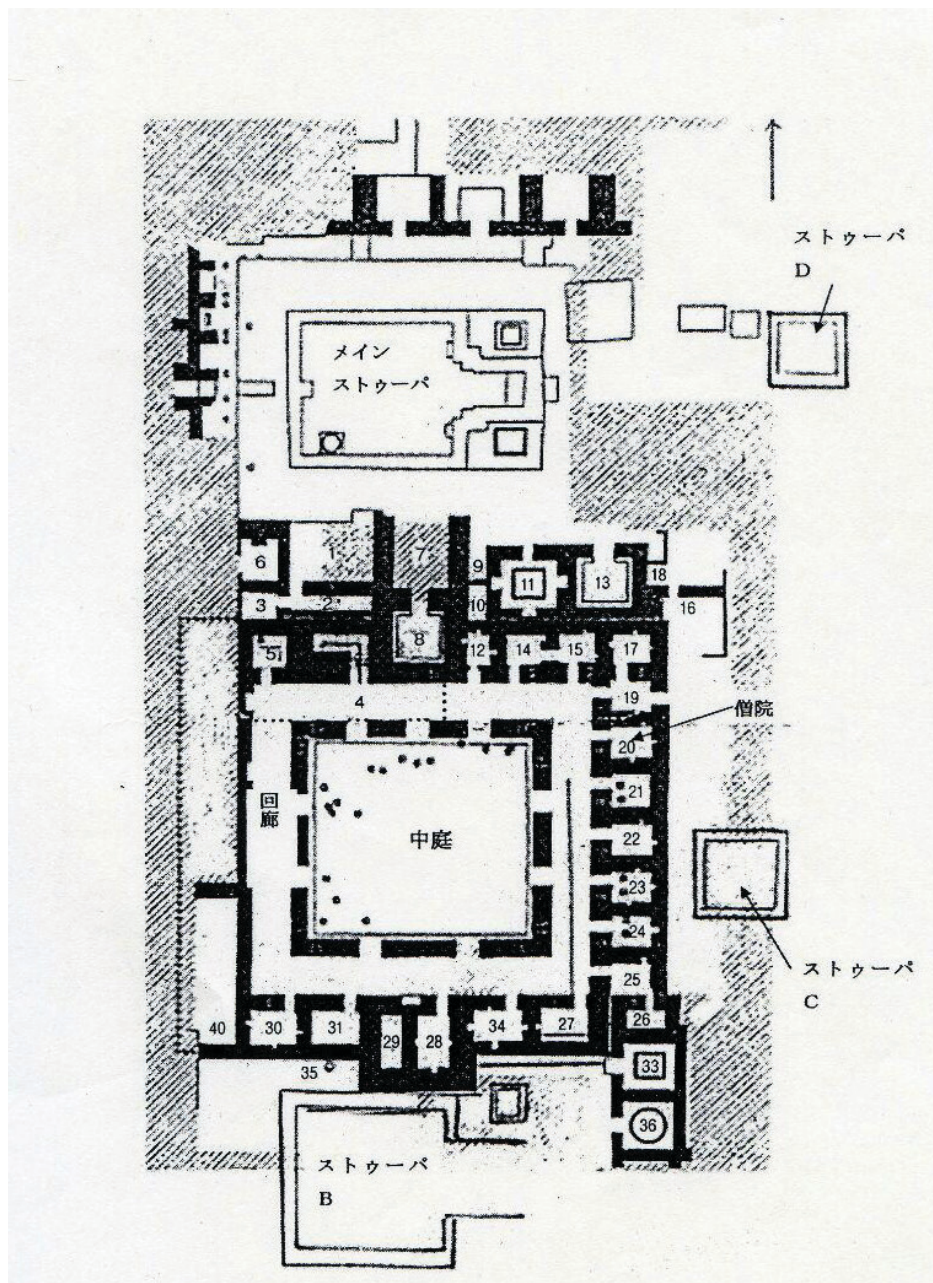

Буддийские памятники в долине Окса (сост. Э. В. Ртвеладзе).

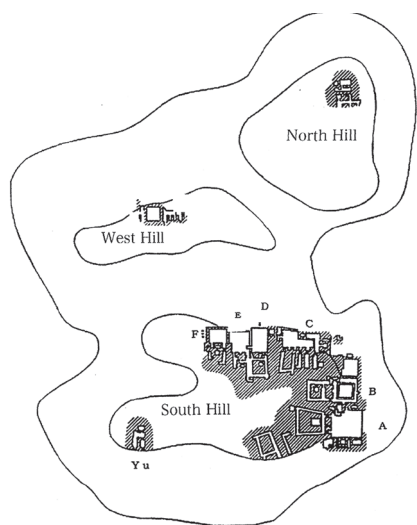
Дж. Маршалл считал, что данная статуэтка отображает самый ранний образ Будды, применявшийся еще до появления его канонического изображения. В то же время А. К. Кумарасвами и Лохвизен де Лёв полагают, что самое раннее изображение Будды не могло появиться раньше правления Вимы Кадфиза. Они обосновывают свое предположение отсутствием на городище Сиркап, которое прекратило свое обживание после периода правления Куджулы Кадфиза, находок с изображением Будды.

Терракотовые статуэтки Будды из Кампыртепа также совершенно определенно датируются временем до правления Канишки, из чего следует, что они являются, наряду со статуэтками из Старого Термеза, не только самыми ранними изображениями Будды в Бактрии, но и одними из древнейших во всем буддийском мире. Этот факт принципиально важен в историческом плане, т. к. уточняет время проникновения буддизма в Северную Бактрию.

Начальный период истории буддизма в различных историко-культурных областях Средней Азии до сих пор остается дискус-

Каратепа. План монастыря (по К. Като и Ш. Р. Пидяеву).

План Каратена (по К. Като и Ш. Р. Пиддаеву).

трию и к Амударье, разделявшей эту область на северную и южную части.

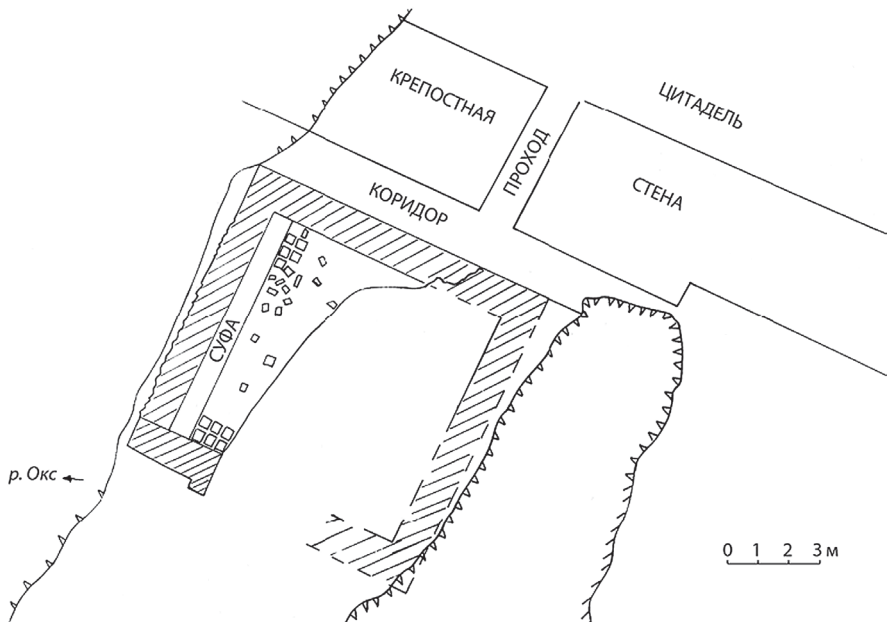
Наиболее ранняя дата проникновения буддизма в Бактрию предложена П. Ч. Багчи: это время правления царя Ашоки (273–239 гг.), при котором данное учение стало государственной религией обширного индийского царства Маурья. Однако каких-либо археологических материалов, подтверждающих эту точку зрения, пока не имеется.

Более реально мнение Б. А. Литвинского, согласно

сионным. Некоторые исследователи относят его ко времени правления великого кушанского царя Канишки (первая половина II в. н. э.), другие – к более раннему периоду. В этой связи Б. А. Литвинский отмечал, что пути продвижения буддизма из Северо-Западной Индии (Гандхары) и Южного Афганистана (Кандагар), где эта религия, вероятно, была распространена уже в III в. до н. э., пролегали на север, в Бак-

*Буддийский рельеф.
Старый Термез.*

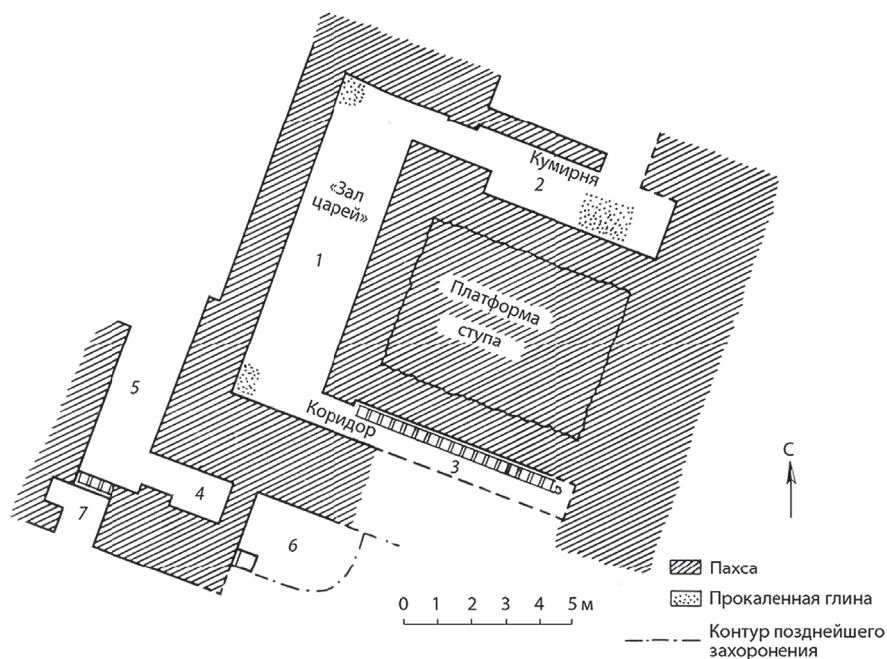
Буддийское святилище. План. Кампыртепа.

которому буддийские миссионеры и местные адепты появились на юге Средней Азии во второй половине и в конце существования Греко-Бактрийского царства, т. е. в первой половине II в. до н. э.

Знакомство бактрийцев с буддизмом задолго до Канишки подтверждают хотя и немногочисленные, но достаточно выразительные эпиграфические и лингвистические данные, а также сведения Александра Полигистора о samanaioi (от санскр. samana – «буддийский монах»), опираясь на которые западные ученые (Дж. Асмуссен, И. Маркварт) говорили о широком распространении этого учения в Бактрии уже в I в. до н. э.

Буддийская статуэтка. Кампыртепа.

*Буддийское святилище в загородной зоне Дальверзинтепа. План.
Условные обозначения: 1 — пахса; 2 — прокаленная глина;
3 — контур позднейшего захоронения.*

Огромную ценность представляют и нумизматические данные, в частности монеты греко-бактрийского царя Агафокла (180–165 гг.), власть которого распространялась и на Северную Бактрию. На бронзовых квадратных монетах этого царя, битых, вероятно, в Таксиле – столице Гандхары, впервые в греко-бактрийском чекане появляется изображение буддийской ступы, увенчанной деревом с тремя ветвями. Индийское влияние (богиня Лакшми – сестра Кришны) отмечено и на других монетах Агафокла. Но уже до Агафокла определенные элементы индийской иконографии используются на монетах Деметрия (200–185 гг.): шлем в виде головы слона на драмах и тетрадрамах и отдельно голова слона на дихалках. Их применение связано с завоеванием Деметрием Гандхары в результате похода в северо-западные области Индии.

Скульптура Будды. Городской храм. Дальверзинтепа.

Монеты Агафокла в достаточно большом количестве найдены на ряде городищ Северной Бактрии, в составе же Бухарского клада имеются две его коммеморативные монеты с именами Антиоха и Евтидема.

Серебряные и бронзовые монеты Деметрия различных типов также обнаружены в Северной Бактрии. Ныне установленный исторический факт о том, что в первой четверти II в. до н. э. вся Бактрия и Северо-Западная Индия (где в то время уже господствовал буддизм) были объединены в единое царство, может свидетельствовать о непосредственном знакомстве бактрийцев с учением Будды уже тогда.

*Скульптура Бодхисаттвы. Городской храм.
Дальверзинтепа.*

Наиболее раннее свидетельство присутствия буддизма в Северной Бактрии – наскальная надпись на кхароштли, открытая А. Н. Бернштамом в местности Даршай на Западном Памире. Согласно Я. Харматте, она читается как *parayana* («побеждай») и датируется концом II – началом I в. до н. э. По мнению Б. А. Литвинского, эта надпись свидетельствует не только о возникновении в Средней Азии культа Нарайяны Будды, но и о проникновении сюда буддизма накануне образования или в ранний период существования Кушанского государства.

Но это все косвенные данные. В письменных же источниках наиболее раннее свидетельство бытования буддизма в Бактрии, в частности у юечжей, переселившихся сюда во второй половине II в. до н. э., содержится в китайской хронике «Вэй Люэ», написанной между 239 и 265 гг. н. э. Как отмечал Э. Цюрхер, традиционные

версии появления буддизма в Китае упорно связывают это событие именно с юечжами, а следовательно с Бактрией – Тохаристаном. Таким образом, и косвенные, и письменные свидетельства позволяют говорить о том, что проникновение буддизма и в целом индийской культуры в Бактрию произошло в греко-бактрийский период, а укрепление их позиций – в юечжийское время.

*Ступа. Фаязтепа. «Лошадиный монастырь»
(по Ж. Фуссману). Старый Термез.*

О проникновении буддизма в Северную Бактрию

Буддийская скульптура. Фрагмент. Фаязтепа.

в период до правления Канишки свидетельствует и загородное буддийское святилище на Дальверзинтепа, датированное Г. А. Пугаченковой на основании находок монет и других данных I в. н. э..

Таким образом, на основании имеющихся данных можно говорить, по крайней мере, о трех этапах истории буддизма в Северной Бактрии.

I. Первые века до н. э. Этап ознакомления населения Бактрии с буддийским вероучением.

II. I в. н. э. Распространение буддизма в Бактрии и возведение здесь, в том числе и в северной ее части, первых буддийских сооружений.

III. Первая половина II в. н. э. Время правления Канишки. Расцвет и прочное утверждение буддизма в больших и малых городах Бактрии, особенно в долине Окса, где, как показывают археологические данные, буддийские сооружения существовали фактически на всем протяжении бактрийского участка долины Окса от Уштур-Мулло в низовьях Кафирнигана до Кампыртепа.

При последующих кушанских царях (Хувишке, Васудеве, Канишке III) буддизм в Бактрии, по-видимому, остается на завоеванных при Канишке позициях. Об этом, в частности, свидетельствует возведение крупного буддийского монастыря в центре Дальверзинтепа в конце II – начале III в. н. э. Предложенные ранее датировки постройки этого монастыря не учитывают факт находок на первоначальном полу монет Васудевы I и Канишки III. Наиболее аргументированы из них датировки, предложенные Дж. Ильясовым, – III в. н. э., может быть, вторая половина III в. н. э.; Д. В. Русановым и Т. К. Мкртычевым – вторая половина III – первая четверть IV в. н. э. Но более полная датировка на основании определенных мной монет

*Буддийская скульптура.
Фаязтепа.*

приведена Б. А. Тургуновым – вторая половина II – начало III в. н. э. В центральном помещении этого монастыря со скульптурой на полу были найдены монеты Васудевы. При первых сасанидских походах этот монастырь в Бактрии был разрушен, хотя в последующем, в кушано-сасанидское время, на его руинах были возведены какие-то другие, вероятнее всего жилые, помещения, в одном из которых был найден острак с пехлевийской надписью, датированной В. А. Лившицем и А. Никитиным III–IV вв. н. э.

Таким образом, имеющиеся данные позволяют говорить о том, что знакомство с буддизмом и укрепление его в Бактрии началось уже в первых веках до н. э., а в I в. н. э. в северной ее части были возведены первые буддийские сооружения, а также о том, что буддизм достаточно широко распространился здесь при Канишке и его преемниках.

СОКРАЩЕНИЯ

АКД	Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук.
БСЭ	Большая советская энциклопедия. М.
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВНИИР	Всесоюзный Научно-исследовательский институт реставрации. М.
ЗС	Знание – сила. М.
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент; Самарканд.
МТЭ	Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент; Елец.
НЦА	Нумизматика Центральной Азии. Ташкент.
ОНУ	Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
СГЭ	Сборник государственного Эрмитажа. Л.
ЭВ	Эпиграфика Востока. М.; Л.
AOASH	Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
BEFEO	Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient. Paris.
BSOAS	Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London.
JA	Journal Asiatique. Paris.
NC	The Numismatic Chronicle. London.
RN	Revue Numismatique. Paris.
SAN'AT	San'at: Журнал Академии художеств Узбекистана. Ташкент.
SRAA	Silk Road Art and Archaeology. Kamakura.
ZDMG	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ГОСУДАРСТВО БОЛЬШИХ ЮЕЧЖЕЙ В БАКТРИИ

- Глава 1.* ПАДЕНИЕ ГРЕКО-БАКТРИЙСКОГО ЦАРСТВА 2
- Глава 2.* ЮЕЧЖИ = ТОХАРЫ.....3
- Глава 3.* ГОСУДАРСТВО БОЛЬШИХ ЮЕЧЖЕЙ И ЕГО ВЛАДЕНИЯ 9
- Глава 4.* ИСТОКИ КУШАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.
МОНЕТЫ «ГЕРАЯ» – АНТЕИХ[ОСА] – САНАБ[АРА] –
КУШАНА 15
- Глава 5.* К ЛОКАЛИЗАЦИИ ВЛАДЕНИЯ ГУЙШУАН (КУШАН).....22

ЧАСТЬ II. КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО

- Глава 1.* ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.....25
- Глава 2.* ВОЗНИКНОВЕНИЕ КУШАНСКОГО ГОСУДАРСТВА.
ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ ЦАРЕЙ, СЫН БОГА КУДЖУЛА КАДФИЗ 26
- Глава 3.* ГЕНЕАЛОГИЯ, ПОРЯДОК ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ,
ХРОНОЛОГИЯ КУШАНСКИХ ЦАРЕЙ.....28
- Глава 4.* КОНЦЕПЦИЯ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ У КУШАН 32
- Глава 5.* ЗАВОЕВАНИЕ КУШАНАМИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ
И СЕВЕРНОЙ ИНДИИ 64
- Глава 6.* СЕВЕРНАЯ ГРАНИЦА КУШАНСКОГО ГОСУДАРСТВА.....67
- Глава 7.* СЕВЕРНАЯ БАКТРИЯ В СОСТАВЕ
КУШАНСКОГО ГОСУДАРСТВА.....73
- Глава 8.* КРУШЕНИЕ КУШАНСКОГО ЦАРСТВА.
ЗАВОЕВАНИЕ САСАНИДОВ.....82

ЧАСТЬ III. ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИЙ КУШАН

- Глава 1.* БАКТРИЙСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ 88
- Глава 2.* НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО 94
- Глава 3.* ЕГИПЕТСКИЕ ПАПИРУСЫ С
БАКТРИЙСКИМИ НАДПИСЯМИ ИЗ КАМПЫРТЕПА 102
- Глава 4.* ЗОРОАСТРИЗМ В КУШАНСКОЙ БАКТРИИ.....107
- Глава 5.* ВРЕМЯ И ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ БУДДИЗМА
В БАКТРИЮ 117

**«КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
УЗБЕКИСТАНА»
Авторская серия**

«ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

ЭДВАРД РТВЕЛАДЗЕ,
Академик Академии наук Республики Узбекистан,
профессор

**«КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО:
ДИНАСТИИ, ГОСУДАРСТВО, НАРОД,
ЯЗЫК, ПИСЬМЕННОСТЬ, РЕЛИГИИ»**

Автор серии, руководитель проекта
Фирдавс Абдухаликов

Редактор:
Виолетта Цилицкая

Компьютерная верстка, дизайн:
Андрей Ряхов, Александр Варламов